

Трилогия
в одном
томе

ЛЮДМИЛА ГОРБЕНКО

Вооружен
и очень удачлив

Москва, 2012

ЛЮДМИЛА ГОРБЕНКО

Трилогия
в одном
томе

- Маг-новобранец •
- Джинн из подземки •
- Хозяин химер •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г67

Серия основана в 2005 году
Выпуск 123

Художник
О. Юдин

Горбенко Л. В.

Г67 Вооружен и очень удачлив: Маг-новобранец; Джинн из подземки; Хозяин химер/Послесл. К. Савельева. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 986 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1157-3

В вашем городе ходят по улицам вооруженные трупы? Из гномьей подземки вырвался джинн и в компании с сексуально озабоченным хомункулусом терроризирует население? Вы влюбились в девушку, а она неожиданно обросла волчьей шерстью? Да еще ваш домовый напился как свинья?! Срочно пишите жалобу в преисподнюю — оттуда вышлют на помощь лучших агентов. Специально обученные черти в два счета утихомят джинна, закопают трупы, выведут домового из запоя и превратят волчицу обратно в девушку. Или превратят джинна в труп, уговорят девушку-оборотня выйти замуж за принца, закопают хомункулуса, а сами напьются как свиньи — такое тоже бывает. Работа нервная, вы же понимаете.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1157-3

© Горбенко Л. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

• Маг-новобранец •

Yudin. 2005.

«...Струя воды, вытекающая из разинутой пасти каменного льва, ударилась об подставленную ладонь и рассыпалась радужными брызгами. Контуры двух мужских фигур на воде подернулись рябью.

— Бедн... май ... ват! — пожаловался стройный молодой человек в ярком тесном костюме, страдальчески сгибаясь пополам. — Бр...ми и бж... аки пес! Оскар, ми...»

До меня не сразу дошло, что я смотрю на собственный фильм-отчет, каждый кадр которого полит потом и кровью. Мало того, что мерзавцы нагло взяли пленку на складе без моего разрешения, они даже не удосужились использовать электронного переводчика-расшифровщика!

Я включил свет и рванул по проходу, цокая копытами, как молодая лань.

— А ну фтой! Пвекватить покаф! — заорал я, пытаюсь заслонить собой экран.

Не подумайте только, что я страдаю нарушениями дикции: просто в данный момент во рту у меня был непрожеванный сэндвич с сыром. Одним мощным глотком отправив в глубь желудка остаток завтрака и чуть при этом не подавившись, я бросился коротким путем в будку механика и вырубил аппарат ударом хвоста по кнопке.

— В чем дело? — недовольно спросил из первого ряда мой постоянный напарник Третий, развалившийся в кресле и лениво жуящий корн. — Хорошее кино.

— Спасибо за высокую оценку моей работы, но это не совсем кино! Точнее, совсем не кино! — ядовито сказал я, плюясь крошками и упирая руки в бока. — Почему начали показ без меня? Кто разрешил?

— Куратор сказал, что можно предварительно ознакомиться, — пожал плечами Третий, задумчиво почесывая рог.

— Почему тогда электронного переводчика не включили? Из-за

шума воды ни одного слова толком разобрать невозможно, — уже миролюбивей спросил я (с кураторами лучше не спорить, себе дороже).

— Ты же знаешь, он иногда применяет несоответствующие синонимы. И так все понятно.

— Рад за твои широкие лингвистические познания. Переведи тогда, что только что слышал с экрана.

— Слова красавчика?

— Да.

— Ругнулся он на этого Оскара. Пес ты вшивый, говорит.

— Правда? А на самом деле он сказал: «Бедный мой живот. Урчит как голодная собака», — ехидно прищурился я.

— Не придирайся, — буркнул Третий, сбрасывая походный рюкзак с соседнего сиденья, чтобы освободить мне место. — Сейчас все включим.

Пока механик, помяная через слово ангелов, отматывал пленку на начало и настраивал переводчика, я отдышался и постепенно успокоился. Третий, как и положено настоящему другу, ободряюще похлопал меня по плечу — не дрейфь, все самое неприятное уже позади.

Воспользовавшись свободной минуткой, представлюсь: носитель отрицательной сущности, полевой работник четвертого ранга.

Проще говоря, я тот, кого вы обычно вспоминаете, когда у вас не забивается гвоздь, сбегает молоко, рвутся последние колготки или уходит из-под носа поезд. Вы нервничаете, злитесь, кричите: «Черт! Черт поberi!» — и я... не прихожу.

Причем не прихожу согласно инструкции: если каждый из нас станет являться по первому требованию несдержанных на язык индивидуумов, то никаких кадров не хватит. Нет, мы приходим только согласно полученной разрядке, с одобрения курирующего администратора (куратора) и делаем свою работу быстро, качественно и незаметно.

К тому же я не уверен, что вы узнаете меня при личной встрече — народные предания порядком исказили темные образы наших героев. Не так уж я страшен, как меня малюют: высок ростом, строен, мускулист, из моего рта пахнет не серой, а мятной свежестью, а шерстяной покров блестит от хороших моющих средств и постоянной работы на свежем воздухе. И хотя на срезе моих рогов уже три кольца, что означает утрату целых трех жизней, еще шесть осталось у меня в запасе, и я намерен прожить их так, чтобы потом не было больно за бесцельно потраченные годы.

Взять, к примеру, последнее задание — чем не подвиг? Начиналось все как рядовая рутина, плавно переросло в запутанный шпи-

онский детектив, после чего мирно завершилось масштабными военными действиями с применением колдовской силы.

Впрочем, все эти подробности запечатлены в фильме-отчете, с которым можно ознакомиться прямо сейчас. Тем более что механик закончил копаться и по экрану уже ползут серые буквы «ПРИЛОЖЕНИЕ К ОТЧЕТУ полевого работника инвентарный номер 437/138-5». Некоторые кадры, кстати, я сам еще не видел.

В зале раздались тихие смешки: по закону подлости куратор поместил под заголовком тот кадр, где я сую под хвост ишаку горящий факел. Не поленился даже увеличить — вот сволочь! К счастью, свет вовремя погас, маскируя краску стыда на моих щеках.

В боковых колонках зашуршал кашель электронного переводчика. Наконец, спустя долгие секунды и секунды (а также метры и метры казенной пленки) появилось расплывчатое изображение лошади и двух мужских фигур, идущих прямо на зрителя. По мере того как они приближались, контуры тел становились отчетливей и ясней.

Стало возможно различить сложное переплетение кружев на воротнике куртки молодого человека и морщинки в уголках карих глаз его старшего спутника.

И именно в этот момент, когда я перестал дышать и весь замер в предвкушении, Третьему приспичило выставить свой жирный зад, обтянутый комбинезоном, прямо перед моим носом.

— Я за корном, — сказал он. — Тебе взять?

Вместо ответа я ухватил его за промасленный карман (Третий имеет похвальную привычку после еды вытирать руки) и силой усадил обратно в кресло.

— Пока ты отлеживался на больничной койке, я отдувался за двоих, а это, между прочим, было самое запутанное дело в Организации за последние три года! Так что теперь сиди и внимательно смотри! — прошипел я, прежде чем мой голос заглушил усиливающийся шум воды.

Город, раннее утро

...Струя воды, вытекающая из разинутой пасти каменного льва, ударилась о подставленную ладонь и рассыпалась радужными брызгами. Контуры двух мужских фигур на воде подернулись рябью.

— Бедный мой живот! — пожаловался стройный молодой человек в ярком тесном костюме, страдальчески сгибаясь пополам. — Урчит, как собака! Оскар, мы скоро будем есть?

Тот, кого голодный щеголь назвал Оскаром, ответил не сразу.

Это был темноглазый и черноволосый, с седыми искорками в густой шевелюре мужчина лет пятидесяти, совершенно обыденной внешности: среднего роста, средней полноты; черты лица настолько ординарны, что не поддаются точному описанию. Единственное, что обращало на себя внимание, — очень прямая осанка, какая бывает у особ королевской крови и профессиональных танцоров. Он сосредоточенно брился у фонтана с помощью небольшого кинжала и кусочка мыла, используя поверхность воды вместо зеркала.

— Немного терпения, Хендрик. Сначала нужно привести себя в порядок. Ты же хочешь произвести благоприятное впечатление на местных дам?

— Я еду с тобой на одной лошади, потому что моим конем мы расплатились за гостиницу. Кроме того, у меня истерты ноги, а на куртке птичий помет. Какое впечатление я могу произвести в таком виде? Хочу жрать и спать. Желательно на кровати, а не под кустом. Еще хочу снять эти проклятые обтягивающие штаны и никогда их больше не видеть. Они мне врезаются в самый... самые...

— Сочувствую, — понимающе кивнул Оскар, тщательно соскребая остатки щетины лезвием ножа и промокая влажные щеки грязным носовым платком с изящным вензелем. — Ничего не поделаешь, дружище. Зато они подчеркивают твои выдающиеся достоинства. Чутье подсказывает мне, что сегодня нам повезет. Должно повезти.

— Что-то не нравится мне этот город, — капризно проворчал Хендрик. Облокотившись на парапет фонтана, он брезгливо зачерпнул несколько капель воды и размазал по заспанному, но все равно ангельски красивому лицу. — И вообще мне надоело скитаться. Вся эта чужеземная экзотика... шашлык-машлык... стакан-бардак... Котлет хочу. И пирога с мясом, как дома. Господи, я уже и не помню, как выглядит моя родина!

— Я напомню тебе, друг, — прищурился Оскар, пряча кинжал в ножны. — Родина выглядит так: голубая река, огибающая город; храмы с золотыми куполами; приветливо улыбающиеся красивые девушки; белые дома с резными ставнями. Просто рай. Жаль только, что на стене почти каждого дома висит бумажка с твоей смазливой рожей и подписью: «Особо опасный преступник. Награда за поимку — 1000 монет». Тебя все еще мучит ностальгия, или отпустило?

— Отпустило, — буркнул Хендрик. Подняв с земли щепку, он с ее помощью разделил белокурые волосы, подстриженные по моде на уровне ушей, на тонкий ровный пробор и наклонился над фонтаном пониже, чтобы пригладить непослушные локоны на лбу.

— Вот и ладушки, — сказал Оскар, начищая сапоги все тем же носовым платком. — Страховые полисы у тебя целы?

— Куда они денутся... Еще с полпачки осталось.

— Легенду не забыл?

Хендрик тоскливо закатил в небо голубые глаза и отбарабанил скороговоркой:

— Мы подданные тьмутараканского императора, в этом городе проездом. Ты финансист, известная дипломатическая персона, я твой несчастный, страдающий от любви племянник, которого подло бросила невеста. Карета с вещами и деньгами под охраной вооруженного отряда отстала и будет только завтра. Аминь.

Оскар удовлетворенно кивнул и, порывшись в пыли, поднял оброненный кем-то недоеденный леденец. Сполоснув его под струей воды, он торжественно вручил конфету напарнику.

— Угощайся, Хендрик. Это твой завтрак. А пока ты будешь наслаждаться этим чудесным безголовым петушком на палочке, будь добр — залезь в фонтан и собери монетки, которые лежат на дне.

— Опять? — Голубые глаза красавчика наполнились гневом. — Мы же не нищие, Оскар! Это, в конце концов, унижительно!

— Лезь, лезь. Поверь мне как финансисту, иметь деньги вовсе не унижительно. Унижительно их не иметь. Ну, что там? Семь монеток? Вот видишь! А ты сопротивлялся, дурашка. Счастливое число, хороший знак! Нутром чую — сегодня нам повезет!

— Все равно, — упрямо пробурчал Хендрик, по очереди отряхивая мокрые ноги и всовывая их в узорчатые щегольские сапожки с новыми блестящими подковками на подметках. — Не нравится мне этот город!

— А он и не должен нам нравиться, — философски заметил Оскар, пряча добычу в кожаный кошель и запрыгивая на спину флегматичной серой лошади. — Главное, чтобы мы с тобой понравились ему. А вот и солнышко!

Хендрик с ненавистью сощурился на поднимающееся солнце, будто надеясь убить его взглядом, и с кряхтением занял свое место позади Оскара.

— Куда теперь? — буркнул он.

— Туда, где разбитое сердце молодого красавца сможет найти кратковременное утешение, а старый дипломат послушает свежие сплетни. В трактир, конечно! Подлюка, ищи трактир!

Общеизвестно, что животные, прожившие рядом с людьми длительное время, неплохо понимают человеческую речь. Подлюка была умной конягой, списанной из цирка по причине пожилого возраста. Славное артистическое прошлое сделало ее незаменимой спутницей путешественника. Лошадь могла неделю питаться иск-

лючительно окурками, прекрасно понимала слова «трактир», «базар» и «бордель» на любом языке и находила вышеперечисленные заведения, руководствуясь одной ей известными приметами.

К сожалению, имелась и обратная сторона медали. Услышав звук, хотя бы отдаленно похожий на аплодисменты, лошадь низко кланялась, сгибая колени и роняя седоков. А изредка, задумавшись во время монотонной скачки, начинала по старой привычке бегать по кругу, что невероятно раздражало Оскара и смешило Хендрика.

Получив команду «в трактир», рассеянно жующая окурочек Подлюка встрепенулась. Сделав на радостях круг почета по пустой площади, она получила двумя парами пяток по бокам, деловито понюхала воздух и уверенно зацокала копытами в выбранном направлении.

— Вот увидишь, это окажется мерзкая забегаловка, полностью соответствующая этому мерзкому городишке! — упрямо буркнул Хендрик.

Оскар засмеялся.

— Дорогой племянник! Твое детское желание непременно оставить за собой последнее слово просто умиляет! Ручаюсь, у того ангела, что следит за каждым твоим грехом и пишет подробные отчеты, уже пальцы отваливаются. Хотя всю писанину можно свести всего лишь к трем словам: любвеобилен, хитер, везуч. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Хендрик скептически ухмыльнулся.

— А вот с этим, дядюшка, я категорически не согласен. Если верно то, что в небесной канцелярии на каждого из нас заведено подробное досье, содержащее правду, всю правду и только правду, то в моем случае тремя словами не отделаешься. Я бы на месте своего ангела начал так: «Хендрик. На редкость красивый молодой человек, сирота. Был в младенчестве подкинут добрыми людьми к воротам монастыря...»

— Нашили куда подкинуть, — подчеркнуто язвительно хохотнул Оскар. — Клади бы уж сразу под дверь борделя с запиской: «Осторожно. Опасен для женщин моложе шестидесяти».

— Некоторое время был монахом... — упрямо продолжил Хендрик.

— Причем очень недолгое время. Пока первую девку через забор не увидел, — прокомментировал Оскар.

— Успешно совмещал послушание в монастыре с частыми тайными отлучками в город...

— Где имел большое (зачеркнуто), очень большое (зачеркнуто), огромное количество любовных связей! Список прилагается! — подсказал Оскар.

— Ты думаешь, мое досье все исчеркано? — обиделся Хендрик. —

Сколько можно меня оскорблять?! Да, я люблю женщин! Потому что у меня чувствительная, нежная натура!

— Скажи лучше честно, что страдаешь неводержанностью и перепадами настроения.

— Неправда! В душе я поэт!

— Ага. И еще какой поэт! Достаточно вспомнить твой шедевр, посвященный дочке мэра:

Твои глаза — брильянты в два карата,—
Меня убили просто наповал.

— А что? Ей понравилось, — пожал плечами Хендрик.

— Конечно, понравилось. И не могло не понравиться, ведь в этот момент, скорее всего, ты нежно держал ее за гм... руку. Но потом ты ушел, бедная девушка остыла, пришла в себя, оделась и побежала в ювелирную лавку. Покупать тебе на память о ее глазах кольцо с двумя бриллиантами по два карата.

— Правда? Я и не знал. А что было дальше? — заинтересовался Хендрик.

— Что-что. Дальше была настоящая трагедия, и ты должен стыдиться своей безграмотности, друг мой. Ювелир выложил перед ней бриллианты, и бедняжка немедленно попыталась покончить с собой, задушившись золотым колье. К счастью, ювелир не позволил. Чтоб ты знал, племянничек, два карата — это глаза кузнечика, но никак не хорошенькой девушки. Маловаты они для человеческого лица, понятно?

— Ну откуда я...

— Конечно! Ты вообще не слишком образован.

— Зато остроумен!

— Привычка высмеивать все подряд еще не является признаком остроумия.

— Ты мне завидуешь, потому что я молод, обладаю красивым телом, а ловкостью и гибкостью значительно превосхожу тебя!

— Еще бы! У тебя были прекрасные возможности для тренировок! Столько раз убежать от рогатых мужей по крышам, прыгать из окон, протискиваться через дымоход или каминные трубы!

— Да! И эти умения помогли мне бежать!

— Эти умения? — саркастически прищурился Оскар. — В критический для твоей прекрасной шкурки момент бежать тебе помог я! И ты по гроб жизни должен быть мне благодарен за то, что я спас тебя от унижительной публичной порки и пожизненного заключения!

— Я благодарен! Спасибо, спасибо, спасибо...

Закончив отбивать шутовские поклоны, Хендрик надулся, и в

воздухе повисла напряженная пауза. Первым ее нарушил Оскар, чувствующий, что слегка перегнул палку.

— Долго молчим. Кажется, еще один страж родился, — сказал он.

— У нас в монастыре говорили «еще один ангел», — все еще обиженным голосом откликнулся Хендрик.

— Монахам виднее, — миролюбиво согласился Оскар, пиная задумавшуюся лошадь пятками, что никак не отразилось на ее скорости.

Оба приятеля ошибались.

На самом деле в эту секунду родился не очередной страж и даже не ангел, а самый обыкновенный черт.

Он выдулся в ячейке с инвентарным номером 666, что в принципе считалось хорошим предзнаменованием, но был невероятно мал и слаб. Горячий воздух инкубатора оказался непереносимым испытанием для новорожденного, и за какие-то недолгие полчаса чертенок успел умереть восемь раз. Посчитав заморыша нежизнеспособным, автоматика нацепила на его худую шейку опознавательный жетон, пометила правую ягодицу клеймом с рогатым профилем над аббревиатурой СС — «Собственность САМОГО» и выкинула на поверхность земли, согласно инструкции дав новорожденному последний, девятый шанс.

Некоторое время дрожащее тельце валялось в пыли под забором, видимое только кошками. Было раннее утро, и на горизонте не просматривалось ни одного объекта, подходящего для того, чтобы слиться с ним и на время получить кров и пищу. Когда забракованный чертенок уже потерял остатки надежды и еле дышал, совсем близко послышался стук копыт.

— Оп-па! Кажется, мы уже приехали.

— Ты думаешь, это трактир?

— А что еще может скрываться под вывеской «Дырявый бубен»? Тпру, Подлюка, спешиваемся. Мне нравится название, особенно отсутствующая буква «е», а тебе, Хендрик? Судя по тому, что стекла не выбиты, место из разряда приличных. Может, тут даже музыканты вечерами играют.

— Ага, на дырявых бубнах, — с подчеркнутым сарказмом отозвался Хендрик, сползая на землю.

Из последних сил чертенок увернулся от его сапог, сияющих новенькими серебряными подковками. Цепочка, на которой болтался жетон, поддетая носком сапога, хрустнула и слетела с субтильной шейки, моментально потеряв невидимость. Что-то учуявшая Подлюка тревожно заржала и начала пятиться.

— Ух ты! — по-детски обрадовался Хендрик, поднимая с земли

блестящий металлический прямоугольник с выдавленными цифрами. — Какой кулончик!

— Тпру! — прикрикнул на лошадь Оскар.

С радостью черт обнаружил, что обувь этого человека не представляет никаких препятствий. На ней не то что подков — и подметок-то толковых не было. Ввинтившись под широкую штанину, черт ужом проскользнул по теплому телу человека и замер, прижавшись к его ребру. Оскар невольно охнул.

— Что? Что с тобой? — рассеянно спросил Хендрик, любуясь находкой.

— В боку кольнуло.

— А все почему? Давно пора есть, — назидательно сказал Хендрик, пряча жетон в карман. — Я уже устал повторять, что в твоём возрасте надо больше заботиться о себе. Не пренебрегать теплом и регулярным питанием.

— Бывший циркач никому не нужен, — тихо проворчал Оскар. — Пока ты женишься на богатой панночке и обеспечишь мне тепло с регулярным питанием, я два раза скончаться успею.

Мимоходом он ласково почесал за ухом черную кошку, сидящую на заборе, шерсть которой от этого прикосновения встала дыбом, и отцепил от седла мягкую сумку со сменой белья, комплектом металлических ножей, парфюмерной водой, туалетными принадлежностями и пачкой страховых бланков — их имуществом.

Отдельно, замотанная в шелковый шейный платок, покоилась ценность: рулон новомодного «клозет-папира», прихваченный Оскаром на память из гостиницы, где они с Хендриком целый месяц роскошно жили и столовались, расплатившись за свое пребывание колючим с продолговатым сапфиром, подаренным красавчику очередной возлюбленной.

Лошадь пришлось привязывать к забору самостоятельно, так как никто из прислуги не вышел с заднего двора, чтобы помочь. Перед дверью, правда, крутился угрюмый прыщавый паренек с метлой, но он демонстративно повернулся к посетителям задом и начал собирать на совок пылинки с таким тщанием, будто они были золотыми.

Первейшая заповедь путешественника гласит: не спеши. Семь раз загляни, один войди.

Оскар поднялся по ступенькам и осторожно приоткрыл дверь. Из щели вырвались на свободу клубы табачного дыма, аромат копченых свиных ног, вонь кислой капусты и звуки, больше всего похожие на то, что внутри тошнит какого-то крупного животного.

— Порядок, — удовлетворенно сказал Оскар, переступая порог и одобрительно осматриваясь.

Темные потолочные балки, проступающие в дымном тумане кон-

туры колеса люстры и приятная для глаза матовость столов (которой можно добиться, если в течение нескольких лет их не мыть, а просто смахивать мусор) неопровержимо свидетельствовали: трактир самый что ни на есть классический. Попроси в таком месте фри-касе и получишь за непристойное предложение в глаз, зато градус напитков и накал человеческого общения превзойдут твои самые смелые ожидания.

Мокрый тростник, которым был устлан пол, зачавкал под большими ногами Оскара, решительно направившегося к стойке. Страдающий от несчастной любви граф скромно побрел следом.

В этот ранний час трактир был почти пуст.

На вешалке у входа висели всего три куртки из грубой буйволиной кожи и почему-то карнавальный костюм — черная мантия волшебника и колпак из плотного картона, обтянутый шелком. Прямо на шелк были патокой наклеены золотые звездочки, и вокруг них роем вились мухи.

За маленьким столиком у стены, протянув ноги на свободные стулья, лицами в тарелках мирно спали трое. В том, как тараканы облепили рассыпанные остатки их еды, было что-то успокаивающее, домашнее, и напряженный Хендрик немного расслабился.

— Бх-ых-ых!

Оглянувшись, Оскар обнаружил в соседнем углу под связками лука и сухих перцев источник странных животных звуков. Уронив голову на скрещенные руки, горько плакал немолодой лысый мужчина в кожаном фартуке. Скользя затуманенным взглядом по вошедшим посетителям, он на минуту прекратил рыдания и вытер глаза клетчатым носовым платком. Стало слышно, как на кухне капает вода и кто-то храпит. За стойкой было пусто.

Оскар с интересом кинул взгляд на ряды пузатых бутылок с засунутыми в них перцами, корешками, змейками и ящерками и деликатно кашлянул. Хендрик, который жаждал запить хоть чем-нибудь приторно сладкий леденец, нетерпеливо постучал по столешнице костяшками пальцев.

Существо, материализовавшееся за стойкой по этому сигналу, можно было назвать взрослым человеком исключительно условно.

Это был хлипкий белокурый юноша в шерстяном свитере колючей домашней вязки, из рукавов которого торчали худые запястья. По цвету и форме его лицо напоминало вялый огурец и имело соответствующее выражение. Юноша выжидающе посмотрел на двоих нетерпеливых посетителей, но ничего не сказал.

Первым молчание решил нарушить Оскар.

— Доброе утро, — поздоровался он. — Э-э-э... кажется, это трак-

тир? Мы хотели бы выпить что-нибудь тонизирующее. «Мертвую Мэри», например.

— И попить, — добавил Хендрик, сглатывая липкую слюну. — Мы в городе проездом. Так что если вы составите нам компанию и расскажете о свежих новостях, будем очень рады.

Юноша широко открыл бледно-голубые глаза и уставился на них так укоризненно, словно у него попросили лом и лопату, чтобы немедленно отправиться на местное кладбище и вволю поглумиться над трупами.

— Сегодня «Дырявый бубен» закрыт, — трагически опустив уголки губ, выдавил он из себя наконец.

— А эти? — возмущенно ткнул пальцем в сторону спящей за столиком тройцы Хендрик.

— Это вчерашние.

— Вчерашние?! — От возмущения в голосе Хендрика прорезались высокие петушинные ноты. — Ты издеваешься над нами? Дай хоть стакан воды!

— Не кричите на мальчика, у него горе. Я вас сам обслужу. — Эти слова были полны такого неподдельного страдания, что Оскар и Хендрик дружно оглянулись.

Человек, минуту назад рыдающий за столиком, прошаркал разношенными тапками без задников в сторону стойки. Поставив перед Хендриком стакан воды, он приготовил две пустые стопки и приступил к приготовлению «Мертвой Мэри», дрожащими руками отмеряя вустерский соус.

Только сейчас, и то исключительно по кожаному фартуку, Оскар догадался, что это и есть настоящий владелец заведения. Лицо «Дырявого бубна», так сказать.

Осознав этот удивительный факт, Оскар совсем не обрадовался и даже больше того — насторожился. Потому что из всех трактирщиков, виденных дипломатическим работником в жизни (а их было немало), этот был самым необычным.

Оскару встречались за стойкой хронические пьяницы, тайком отпивающие из стаканов посетителей, абсолютные трезвенники, под неодобрительным взглядом которых даже глоток слабого пива застревал в горле, и прочие оригиналы. Чего стоил только один глухой как пень старичок, которому приходилось выкрикивать заказ непосредственно в ухо! Но еще ни разу Оскару не приходилось видеть *несчастливого* трактирщика. Плачущий трактирщик — нонсенс, столь же неестественное явление, как радостно хохочущий гробовщик.

Оскар молча, но выразительно мотнул головой «племяннику», намекая на то, что лучше выйти на улицу и поискать другое заведе-

ние. Страдающий от жажды Хендрик успел с ворчанием отклеить зад от высокой табуретки, как произошло нечто уж совсем странное.

Трактирщик встретился взглядом с Оскаром и вдруг расплылся в изумленной улыбке, словно бы нечаянно узрел чудо. В сочетании с заплаканными глазами и ножом в дрожащей руке, улыбка производила жутковатое впечатление. Пока компаньоны, не сговариваясь, пятились к двери, хозяин успел выскочить из-за стойки с резвостью козла и преградить им путь. Широко расставив руки, словно тореадор, идущий на быка, он заключил Оскара в крепкие объятия и присосался к его щеке.

Оскар, который как дипломатическая персона искренне считал, что обматерить незнакомого человека на иностранном языке значит оказать ему уважение, от неожиданности громко выругался сразу на трех. Трактирщик отвалился от его щеки словно сытая пиявка и радостно заорал:

— Мама миа! Робертино! Теперь я уверен — это точно ты! Кендрино, сынок, посмотри сюда — это же мой лучший друг Робертино!

Вялый юноша вежливо наклонил голову.

— Друг? — осторожно повторил Оскар, продолжая отступать задом к выходу и толкая плечом Хендрика.

— Это же я, Солли! — закричал трактирщик. — Неужели ты не помнишь меня, Робертино? Захолустная деревушка Дольчезадо, наша веселая компания и ты — ее душа! Мио мафиозо! Тино!

Оскар резко затормозил. Всего секунду его лицо выражало замешательство.

Потом он решительно раскрыл объятия, растянул свой большой рот в самую широкую улыбку, на которую был способен, и с преувеличенной аффектацией, свойственной провинциальным актерам, заорал:

— Солли! Старина Солли! Прости, не признал тебя сразу, ты немного изменился!

— Прего, Тино! И ты, каро мио, ты тоже очень изменился! Но эти хитрые глаза я узнаю даже через тысячу лет! Ох, Тино, шельма синьоре!

— Сколько же мы не виделись? — осторожно осведомился Оскар.

— Уно, дуге, тре, кватро... почти десять лет, Тино, друг! Помнишь, как ты приходил к нам в гости? Джульетта частенько тебя вспоминает. Особенно когда готовит твои любимые фетучини или лазанью и они пригорают. Ты так любил чуть пригорелое! Поздравь меня, каро Тино. Перед тобой отец семерых сыновей и двух белла-белли-сима дочек! Кендрино — мой младшенький!

— Солли! Как я рад за тебя! Твой сын такой красавец, вылитый

ты в молодости! Огромный привет Джульетте! Разве можно забыть ее горелые фетучини? А угольки на боках лазаньи? Мне до сих пор снится этот вкус! Просто божественно!

— Да, Джульетта готовит, как богиня! У нее золотые руки.

— И непростой характер, — лукаво хохотнул Оскар.

— Это точно! — расхохотался Солли. — Каро мио! Помнишь, как она швыряла в нас тарелки?

— Еще бы! — с притворным испугом потер лоб Оскар. — Джульетта никогда не промахивалась!

— Садись, Тино. Я лично подам тебе и твоему спутнику...

— Это мой племянник.

— Я сам обслужу дорогих гостей! Темпо-темпо!

— Одну минутку, Солли. Сначала я должен позаботиться о нашей лошади. Все копыта сбила, бедняга.

— О чем речь, дружище! Моя конюшня к твоим услугам!

— Кто этот ненормальный? — спросил окончательно проснувшийся Хендрик, когда возбужденный трактирщик в сопровождении сына укатился за занавеску.

— Понятия не имею, — шепотом признался Оскар. — Первый раз в жизни вижу этого типа.

— Но ты обнимался с ним!

— Я подумал, что иметь в незнакомом городе близкого друга, знающего тебя много лет, не помешает.

Хендрик недоверчиво ухмыльнулся.

— Ты разыгрываешь меня, да? Точно разыгрываешь. А как же Джульетта? Ее характер, то, как метко она метает тарелки?

— Господи, какой же ты еще наивный, Хендрик! Мы путешествуем вместе не один год, за это время ты наставил столько рогов, что хватило бы на приличное оленье стадо. Я понимаю, ты просто не успевал изучить своих избранниц подробно, но признайся — хоть одна из них могла похвастаться простым характером?

— Но тарелки...

— Хендрик, запомни на всю жизнь и расскажи сыновьям, если они у тебя когда-нибудь будут. Если женщина берет в руки ружье и целится в утку, она в лучшем случае ни в кого не попадет. Но стоит ей как следует разозлиться и взять в руки тарелку... Она не промахивается. Понял?

Хендрик кивнул.

— Вот и не задавай больше глупых вопросов.

— Оскар?

— ?

— Последний глупый вопрос. Что такое лазанья?

— А черт ее знает, — искренне ответил Оскар и широко зевнул. —

Какой-нибудь вонючий овощ, судя по названию. Да что ты скалишься? Что ты скалишься, осел? Сделай грустное лицо, ты же страдаешь! И не дергайся так, сними куртку, расслабься. Не могу же я бросить старого друга после многолетней разлуки, сам понимаешь. Значит, придется вместе выпить, поесть, а может быть, и заночевать. Естественно, за счет Солли, чтобы его не обидеть. Кстати! Пока он на радостях добрый и щедрый, прикажи слугам покормить Подлюку.

— Будет сделано! — выкрикнул страдающий от горя Хендрик, высовывая счастливое лицо в окно. — Эй! Гарсон или как тебя там! Бой! Парень с совком! Да откликнешься ты или нет?

Оскар насмешливо покачал головой и покровительственно похлопал Хендрика по плечу.

— Никогда не унижайся до вульгарного крика, племянник. Родственнику известного дипломата это не по чину. Смотри и учись, красавчик.

Оскар величественно вышел на улицу, но воспитательную сценку чуть было не испортил слуга, подвернувшийся ему под ноги. Красный как рак паренек даже не заметил, что кому-то помешал. Он обеими руками держался за свой совок и визгливо кричал. С другой стороны совок тянула к себе желтыми от табака зубами Подлюка, косясь на предмет раздора: огрызок плюшки, попавшийся среди прочего мусора. Судя по напряженным лицам, ни кобыла, ни человек уступать не собирались.

— Не ори на лошадь, она тебе в матери годится! — строго сказал Оскар, отряхивая штаны и хватая двумя пальцами слугу за ухо.

От неожиданности паренек взвизгнул и выпустил совок из рук. Мусор рассыпался по крыльцу, а Подлюка тут же сцапала вожделенную плюшку.

Прокрутив пареньковое ухо несколько раз вокруг оси, так что оно покраснело и стало похоже на перезрелый помидор, Оскар подчеркнуто брезгливо вытер руку о вышитый носовой платок и коротко рыкнул, указывая на Подлюку:

— Быстро! Припарковать и заправить!

База. За кадром

На экране появилось красное изображение циферблата. Дрожащая стрелка застыла на шестерке.

Как же, как же, отлично помню это утро!

Третьего только что увезли прямо с борта капсулы в лазарет с жестокой диареей (во время выполнения нашего прошлого задания толстяк не смог себе отказать в устрицах, но не потрудился убедить-

ся в их свежести); дежурная бригада ликвидировала последствия крестного хода; трое опытных полевых работников по закону подлости застряли в пентаграммах; а на меня в качестве внеочередного подарка свалилась вся их работа. Спасибо, хоть временного напарника взамен выбывшего по болезни Третьего обещали дать в помощь.

Как сказал куратор:

— Думаю, это будет сюрприз для тебя, ха-ха.

Сюрприз? Наверное, дадут в напарники какого-нибудь древнего ископаемого старичка со склерозом, у которого на срезе рогов уже восемь колец, а оставшуюся девятую жизнь он проводит, постоянно рассказывая молодым о своих подвигах.

Я вошел в архив и остановился перед грифельной доской, на которой мелом были отмечены инвентарные номера и титулы работников. Вот это номер моего нового помощника, самый дальний стол. Всего-навсего начальный ранг? Да это оскорбление.

Остро заточенная черная стрелка часов, висящих на стене прямо над моей головой, добралась до цифры «восемь». Маленькое окошечко распахнулось и оттуда, словно его пнули ногой, вывалился птичий скелетик. Плюясь кровью, костяная кукушка проскрипела восемь раз и скрылась за дверкой.

Как это всегда бывает в конце рабочей ночи, сидящие за столами писари оживились.

«Перспективные», «Особо ценные», «Безнадежные», «Обмен» и составляющие абсолютное большинство «Топливо» или «Массовка», как любят говорить в котельной, — эти типы людей размножились столь активно, что наш архив давно перерос помещение, в котором размещался. Для того чтобы протиснуться между рядами полок с папками, нужно быть, по меньшей мере, йогом. Я уже не говорю о том, что за столами можно работать только спиной к спине, как сиамские близнецы.

А чего еще ждать в нашей провинции? Все правильно, дыра — она и есть дыра...

Кукушечий хвост как раз исчезал за маленькой дверкой, когда я двинулся по проходу. Не хвастаясь, хочу отметить, что взгляды всех сидящих дружно обратились на меня, и не случайно.

Я намеренно не стал переодеваться после предыдущего задания и щеголял чернильно-черным шелковым костюмом-тройкой и дымящейся сигарой в уголке рта. Зрачок левого глаза напоминал вертикальную прорезь копилки. Мой правый (на самом деле абсолютно здоровый, если не считать несвежего синяка) глаз закрывала тоже черная шелковая повязка, наискосок обнимающая голову и для надежности закрепленная на левом роге двойным узлом. В глу-

бине узла скрывалась кнопка приемного наушника, а у самого подбородка приютился крохотный микрофон.

Эффектное пунктуальное появление должно было сразу обозначить некую границу между напарником и мной. Я полевой работник со стажем — он скромная рабочая пчелка. Кроме того, я надеялся, что дорогой костюм намекнет на то, что я прибыл в архив непосредственно с задания, что называется, с бала на корабль, и куратор даст мне часок-другой отдохнуть.

Как же, отдохнешь с ними!

— Пятый! Пятый! Вызывает база! Забирай напарника — и на склад! Срочно!

Плюнув с досады, я свысока оглядел сидящих писарей и тихо заскользил к самому дальнему столу. И тут меня ждал он — обещанный куратором сюрприз. Точнее, она.

Тесный белый корсаж на шнуровке, расpiraемый бюстом; юбка, кружевной пеной струящаяся по бедрам и теряющаяся глубоко под столом; белая фата, небрежно переброшенная через спинку стула; платиновые кудряшки; сосредоточенный взгляд голубых глаз; в руке перо, которое со скоростью молнии строчит по бумаге.

Только алтаря и священника не хватает.

Сначала я решил, что это розыгрыш, подстроенный Третьим и куратором. Потом здраво рассудил, что у кураторов генетически отсутствует чувство юмора, а Третий никак не рискнул бы шутить надо мной. Он знает, что это чревато. И только потом до меня дошло, что сидящее передо мной существо — такая же труженица, как и я, прибывшая в архив прямо с задания и не успевшая переодеться.

Ха! А я-то, дурак, чуть было не купился! Хороши бы мы были рядом — я весь черный и блестящий, она вся белая и пушистая. Прямо парочка сахарных фигур со свадебного торта!

Усилием воли вернув челюсть в исходное положение, я откашлялся, мужественно нахмурил брови и гаркнул:

— Наверное, ты и есть моя временная напарница? Давай знакомиться! Полевой работник четвертого ранга, инвентарный номер 437/138-5!

Уткнувшаяся носом в бумагу красotka вздрогнула от неожиданности и накапала чернилами на бланк, который заполняла.

— Полевой работник начального ранга, инвентарный номер 476/675-2! — откликнулась она, резво вскакивая со своего места и придавливая стулом сидящего по соседству писаря.

Я подчеркнуто снисходительно улыбнулся — что такое начальственный ранг по сравнению с четвертым, детка! — заглянул через ее обнаженное плечо и присвистнул.

— «Был подкинут в младенчестве...» О! Ты пишешь роман?

— Почему роман? Характеристику. — Высунув кончик синего языка, помощница по-детски слизнула кляксу, подчеркнула последнюю фразу жирной чертой и поставила дату.

Мне стало смешно.

— Сколько у тебя всего отчетов? Два? Три? Если будешь расписывать мелкие подробности про каждого, руки сотрешь. И заметь — ты не ангел. Оторванные и поврежденные конечности не восстанавливаются. Дай-ка мне.

Я выхватил из рук напарницы папку, быстро пробежал глазами по строчкам и усмехнулся:

— А он недурен, этот Хендрик. Наш клиент. Хотя твою писанину лично я сократил бы до двух слов: удачливый гуляка.

— Всего два? — расстроилась она.

— Ну хорошо. Добавь: смешливый.

— Товарищ полевой работник четвертого ранга, инвентарный номер 437/138-5, я все же считаю...

— Давай без церемоний, — перебил я, небрежно перебрасывая языком сигару с левого уголка рта в правый. — Зови меня просто Пятый, идет?

Молодая напарница зарделась.

— А я тебя буду звать Вторая, — делая вид, что не замечаю ее восторга, продолжил я. — Так что, Вторая, — работаем?

— Работаем! — радостным тоном отозвалась чертовочка, сияя голубыми глазами. — Значит, про его внешность тоже можно опустить? Или красота все же считается смягчающим фактором?

Неужели и я был когда-то таким наивным? Не верю, хоть убейте.

— Да какая, к ангелам собачьим, разница! — Моя широкая улыбка могла бы красоваться на рекламе зубного эликсира. — Я как-то оформлял дело на редкостного уроды, и что ты думаешь — бабы висели на его шее пучками, как бананы на пальме. При знакомстве, правда, они сначала цепенели, но потом он пускал в ход свое знаменитое обаяние, и было уже поздно. Твой Хендрик рядом с ним щенок. Ты вообще где до этого работала? Откуда к нам?

— С Центральной базы, — откликнулась напарница, прихлопывая перо платиновым колпачком.

Моя уверенность в себе тихо пискнула и уползла в дальний угол. Вот уж не повезло, так не повезло. Центральная база — единственное место, где установлены машины времени для служебного пользования. Сейчас эта столичная штучка небрежно сообщит, что лично беседовала с Данте, одевается исключительно у еще не родившегося Гуччи, а по субботам бегаёт на концерты Элвиса Пресли. А я-то, дурак, изображал перед ней крутого мачо!

— Ну и как там, в Центре? — криво улыбнулся я, втайне надеясь, что она скажет: «Дышать нечем, пробки замучили, погода хреновая, жизнь дорогая».

— Здорово! — призналась Вторая.

Я сдупся окончательно, но тут чертовка широко распахнула голубые глаза и добавила:

— Я ведь с детства мечтала покорить Центральную базу. Помню, засыпаем мы с ребятами в интернатской спальне — холодно, по полу сквозняки гуляют, — и я про себя загадываю: вот вырасту и уеду отсюда. Стану знаменитой, все будут меня узнавать, а потом... — Она замялась.

Так, уже интересно.

— А выросла ты где? — осторожно уточнил я.

— В сто пятьдесят первом филиале. Под Верхними Плотами.

Моя кислая улыбочка моментально переросла в широкую и искреннюю. Сто пятьдесят первый филиал — это такая дыра! Такая дырища! Наше отделение по сравнению с ней — недостижимая роскошь и центр цивилизации.

— Из Верхних Плотов в Центр — отличная карьера! — похвалил я. — Как же ты выбилась, детка?

Вторая пожала плечами.

— Да как-то само собой получилось, даже особо напрягаться не пришлось. После учебы направили на практику, потом предложили остаться, ну и... Честно говоря, за эти два года в столице я и не видела толком ничего. Мотаюсь по филиалам, как саранча по полям. Устала уже.

— Ничего, у нас отдохнешь, — пообещал я, мучительно размышляя, чем бы таким заинтересовать красавицу. — Как ты относишься к маскарадам?

— 437/138-5! Пятый! Пятый! Вызывает база! — Полное отсутствие эмоций в голосе, неожиданно громко прозвучавшем в приемнике, выдавало плохое настроение куратора. — Пятый! Вы забыли вернуть реквизит в кладовую! Костюм-тройка из шелка одна штука, повязка шелковая одна штука, штиблеты лаковые одна пара, сигара несгораемая одна штука, напульсник платиновый одна штука, трусы-стринги шелковые мужские одна штука. Повторяю...

Вот скотина! Почему-то про несданное чертовкой на склад подвечное платье он не сказал ни слова, а про мои маленькие слабости орет как резаный!

При упоминании белья глаза напарницы чуть на рога не наделись. Уж не знаю, что она обо мне подумала, но отскочила, словно ее святой водой ошпарили. Бедолага и не представляет себе, какие еще

сокровища, недоступные рядовым чертям, хранятся в провинциальных кладовых. Столица отдыхает.

А куратор все не унимался:

— Пятый! Пятый! Верните реквизит! В случае задержки возврата бухгалтерией будет начислена пеня! Пятый! Пятый!

Самодовольная ухмылка враз сползла с моего лица. Стыдно признаться, но, несмотря на достаточно высокий ранг и заслуги, я все еще немного робею перед канцелярскими крысами — бухгалтерами. Ничего не поделаешь, такова заложенная в меня еще до рождения программа, а детские комплексы, как известно, самые живучие.

Я с явным сожалением погладил шелковый жилет — это вам не полевая форма: негорючая, непромокаемая, неудобная — и начал торопить Вторую:

— Ты давай заканчивай свою поэму, хватит. Нам с тобой поручена деликатная миссия — нужно до полуночи забрать сверху тело.

— Человека? — деловито уточнила Вторая, захлопывая папку.

— Черта. Человека, кстати, тоже хорошо бы прихватить. И не одного, а сразу троих, в котельной топливо заканчивается.

— Лучше даже четверых, — мягко поправил куратор. — К тому же не забывайте об ужасающих зверях-мороках, которые должны распознаться по улицам и пугать горожан. Вторая, это была твоя обязанность? Умница, девочка, пока отлично. Помните, наша цель — погрузить город в пучину ужаса, чтобы коллективная ненависть и страх людей направились в одну точку и отразились в небе, создав над городом отрицательный купол. Отражатели на крыше Башни уже устанавливаются.

— И это должны сделать мы вдвоем? — В глазах напарницы плескался ужас.

— У нас тут не столица, — ехидно прищурился я. — Приходится работать.

— Но разве можно успеть за сутки *это все*?

— Так это еще не все! — радостным тоном мазохиста сообщил я. — Кроме доставки тела чертенка и опытов с животными вместо дежурной бригады нам досталось особое задание. Если не ошибаюсь, закладка яйца под город.

— Змия-искусителя, — подтвердил голос администратора. — По прогнозу синоптиков с завтрашнего дня зарядят дожди — высохшая река может опять наполнить русло и слиться с родником на склоне.

— И что? — подняла выщипанные в ниточку брови Вторая. — Не поняла связи.

— Ручеек хоть и хиленький, но не простой, в нем святая вода течет, — снисходительно пояснил я. — Смешается с речкой — будет

целая река святой воды. Представляешь, что случится, когда местные жители потянутся на речку с ведрами?

Судя по стеклянному взгляду напарницы, она искренне попыталась представить себе эту картину и потерпела фиаско.

— Чем же змий поможет? — наконец выдавила она. — Может, просто заткнуть ручей?

— Эх, молодость-наивность! — вздохнул я. — Если ручей, как ты выражаешься, «просто заткнуть», то уже через час здесь появится целая делегация Положительных. Начнутся долгие, нудные и чреватые уступками с нашей стороны переговоры. Они будут обвинять нас во всех грехах, мы станем оправдываться, но итог все равно окажется не в нашу пользу. Нет, ручей лучше не трогать. Пусть течет.

— Что же сделает змий? — заинтересовалась напарница. — Выпьет воду?

Я снисходительно улыбнулся.

— Если яйцо подложить точно в подземный пласт под руслом реки, то картина кардинально изменится. За два-три дня змий наестся людских грешков, вырастет, его грязный пот смешается с потоками воды, и река будет осквернена. Уже не раз опробованное средство.

Напарница восхищенно цокнула языком. Я гордо сверкнул открытым глазом, но тут куратор спустил меня с небес на землю:

— Хватит болтать! Не забудьте вернуть реквизит! Оба!

— Вот видишь, дел по горло, время поджимает, — поджал я губы, как бы ненароком щелкая по микрофону ногтем. В приемнике ментально раздался стон и неразборчивые ругательства. — Предварительная паника тобой посеяна?

— На сегодняшнем утреннем гадании Наместник получит тревожный прогноз. Покровительница города Волшебная Плащаница украдена нашими сотрудниками и припрятана в надежном месте. Кроме того, уже несколько дней, как в городе наблюдаются необъяснимые природные явления, царит всеобщее беспокойство, бродят странные существа. Все как поручали, по пунктам. — Вторая протянула отчет.

Я, небрежно кивая, перелистнул страницы, но на цветной вкладке в отчет чуть не поперхнулся. Попадись мне такое существо ночью, заорал бы от страха, честное слово!

— Неужели ты это сама придумала? — поразился я, поглядывая на напарницу с невольным уважением.

— Один мальчишка из западного квартала, — призналась Вторая. — У него таких уродов толстенная папка под матрасом. Хотя некоторые картинки он рвет и сжигает в печи.

— Правильно делает, — хихикнул я, любясь черной крысой, ко-

кетливо отставившей в сторону ножку на костыле и обнажившей в улыбке два ряда гнилых зеленых зубов.

В наушнике раздался треск. Заранее ясно — сейчас куратор отправит меня в инкубатор за яйцом. Терпеть не могу это место: духота, дышать нечем, жара почти как в котельной. Десять минут в пекле — и под мышками шелкового костюма расплывутся вонючие пятна пота. Поэтому я, предугадывая следующее указание, быстро крикнул напарнице:

— Яйцо в капсулу загружено?

Вторая смущенно потупилась.

— Пулей! — заорали в наушнике.

— Пулей! — подхватил я, отбрасывая отчет. — Заместитель САМОГО может зайти проверить с минуты на минуту, и что мы ему предьявим? Вот этот рассказик с картинками? Пулей в инкубатор! И смотри не промахнись — бери самое зрелое, красное!

Эхо последних слов еще звучало в архиве, а моя напарница уже неслась к выходу, сбивая по пути подвернувшихся под ноги писарей и оставляя в дощатом полу ямки от острых шпилек.

— Девочка, конечно, еще совсем неопытная, но и поручения пустяковые. Надеюсь, вы справитесь, — оптимистично закончил свою речь куратор.

И я — вот наивный дурачок — рассеяно кивнул. Если бы я знал тогда, во что выльются эти «пустяковые поручения», то наелся бы накануне протухших устриц на пару с Третьим, честное слово!

Даже сейчас, когда все уже позади, при одном взгляде на задумчивое лицо сына столяра у меня дрожь в коленках начинается. Так и хочется вцепиться в круглые желтые глаза, глядящие на меня с экрана...

Город. Очень раннее утро

Младший сын столяра Филипп захлопнул энциклопедию и прижался лбом к прохладному стеклу окна. Несмотря на волнение, фигура волка под луной удалась. Оскаленная трапеция морды, напряженно поднятые треугольники ушей. С каждым разом у него получается все лучше и лучше. А пока рисуешь, немного успокаиваешься.

Никогда в жизни ему не приходилось вставать так рано.

Еще не проехала по улице тележка молочника, не заступила на смену утренняя стража, не столкнули лодки на воду рыбаки. Даже птицы еще не проснулись! Единственные бодрствующие люди в городе — он и два человека в черных трико, спускающихся с крыши дома напротив.

Разглядев в руках одного из них мешок, Филипп горько усмехнулся. Вот она, издевательская ирония поговорки «Кто рано встает, тому бог дает». Даже воры могут спокойно существовать в этом городе, а он вынужден бежать!

И неважно, что он так и не успел стать великим художником! Главное, что он — седьмой сын седьмого сына, а на сегодняшний день это равносильно приговору...

Лучше бы меня сразу после рождения подкинули под ворота церкви или отдали в приют, в который раз за день с тоской подумал Филипп, пририсовывая луне кривую улыбочку, а волку рога и спирально закрученный хвост. Все равно продолжения традиции не вышло...

Как известно, для молодого человека, пытливого ищущего свой жизненный путь, нет ничего хуже, чем профессиональная семейная династия.

Отец, шестеро родных братьев, дедушка, дядя, прадедушка и прочие прапрапра Филиппа были столярами. Сколько себя помнил мальчик, в доме Стульсов всегда стоял запах свежей стружки, а мебель, посуда и игрушки были исключительно деревянными. С ранних лет Филиппа готовили к будущей столярной карьере, и с каждым годом он все больше убеждался, что дерево не его стезя.

Первая же табуретка, собственноручно сколоченная мальчиком, была жестоко сломана запрыгнувшей на нее кошкой.

В скворечнике, над которым он, высунув язык, трудился целую неделю, скворцы жили всего один раз, и то недолго. Через пять минут после вселения пернатые супруги вылетели наружу, утыканные занозами, как подушечки для иголок. На прощанье скворцы возмущенно проорали что-то на своем птичьем языке и скрылись за горизонтом, обгадив голову незадачливого мастера.

Когда бракованные изделия перестали помещаться в дровяном сарае, Филипп понял: он ненавидит дерево всей душой, и оно отвечает ему полной взаимностью. Поэтому братья легко бегают в грубых дубовых башмаках, а у него от них мозоли, поэтому его руки ноют от тяжелого инструмента и поэтому от запаха столярного клея его тошнит.

Поздно вечером, когда дом заснул, мальчик сел у окна своей комнаты и глубоко задумался. Кем же теперь, собственно, ему быть?

Рассматривая себя в высоком мутном зеркале, Филипп попробовал примерить на себя разные варианты будущей судьбы. Рыжие волосы, желтые кошачьи глаза, передние зубы длиннее остальных и выступают вперед. Нескладное сутулое туловище органично переходит в такие же нескладные руки-ноги. Торчащие коленки не только некрасивы, но еще и неудобны — во время бега они почему-то

стукаются друг о друга. Представить эту личность одетой в дорогой костюм невозможно при самой богатой фантазии. Еще менее вероятно, что он сможет поступить в университет — заплатить за обучение в состоянии разве что богатый аристократ, но уж никак не столяр.

Может быть... художник? А что — отличная идея!

Когда Филиппу исполнилось двадцать, семья окончательно смирилась с тем, что золотые руки младшенького растут не из того места, из которого им положено расти у столяров. Самостоятельно Филипп не мог даже карандаш толком заточить, просил братьев. Зато он освоил азы пейзажа и приступил к изучению тел живых существ. Для этой цели была приобретена иллюстрированная энциклопедия, и молодой человек ежедневно перерисовывал из нее по странице.

Все шло так хорошо, и вот... Беда грянула внезапно. Теперь ему придется покинуть город.

Филипп аккуратно сложил в сумку стопку чистой бумаги, карандаши, кисти, краски, энциклопедию. Подумал и вынул энциклопедию. Если все сложится удачно, он сможет рисовать с натуры вдали от дома. В конце концов, настоящие художники часто путешествуют.

Когда отец поднялся в его комнату, Филипп был уже полностью одет и сжимал в руках мягкую дорожную сумку. Подозрительно красные глаза отца встретились с испуганными глазами сына.

— Уже? — одними губами спросил Филипп.

— Пора, сынок.

— Но ведь на площади еще пусто. Я буду как на ладони.

— До рассвета мы с тобой тихо посидим в кустах. А потом, когда площадь наполнится людьми, ты выйдешь и смешаешься с толпой. Помнишь наш уговор? Ты занимаешься на любую работу за любые деньги. Не торгуйся. Не стесняйся нахваливать свои таланты. Главное, чтобы хозяин, который тебя наймет, выглядел приличным господином и чтобы он был не местный. Я буду незаметно следить за вами, не бойся. Удостоверюсь, что все в порядке. Смотри, как приедете на место, сразу напиши! Даст бог, по соседним деревням искать не будут, через год-другой сможешь вернуться обратно.

— А может, просто уехать и писать картины на заказ?

Столяр замялся.

— Не хочу тебя обижать, сынок, но пейзаж с мельницей, который ты подарил нашей соседке, она сожгла в печи. А потом еще и позвала священника, чтобы освятить дом после скверны. Сказала, что это дьявольское искушение, какие-то треугольники и квадраты, а над ними вообще... нарисован голый зад...

— Это было мельничное колесо, папа!

— Но оно было розовым и почему-то раздвоенным!
— Я так вижу!
— Сынок, прости, но мы с матерью не хотим рисковать. Вас всего семеро.

Филипп молча кивнул.

— Братьям мы ничего не сказали, чтобы не проболтались случайно. Знает только Мартин. Мать не придет, не хочет расстраивать тебя перед дорогой. Мы очень любим тебя, сынок, — тихо добавил отец и протянул ему продолговатый сверток.

— Что это?

— Специальный карандаш с выдвигаемым грифелем. Мартин разыскал в какой-то лавке. Ты же у нас насчет дерева... в общем, сам понимаешь. Мы с матерью подумали: не дай, господи, начнешь точить свои карандаши — еще зарежешься...

— Спасибо, папа, — растроганно сказал Филипп, прижимая к груди подарок. — Не волнуйся. Найду иногороднего господина, наймусь, уеду. И сразу напишу.

Город. Герцогский дворец, кабинет Наместника

Свое прозвище Куриная Лапка получила в детстве. Те, кто помнил ее в те годы, утверждали, что, если не обращать внимания на скрюченную после болезни правую ручку, от прелестной белокурой девочки было глаз не оторвать.

Сейчас внешность гадалки производила скорее противоположный эффект. Она носила лохматые, черные как смоль волосы, нос удлинился и угрожающе навис над тонкими губами, и ни один человек в городе не мог выдержать ее взгляд. Некоторые говорили, что старуха настоящая ведьма, и сама Лапка не опровергала этих слухов. В конце концов, в доме каждой уважающей себя женщины найдется метла, которую она может использовать по своему усмотрению. С тех пор как Наместник принял ее в штат своих официальных помощников, ей не было нужды рекламировать себя и принимать частных клиентов.

Утро Куриной Лапки начиналось так: ровно в восемь (летом в семь) часов она входила в кабинет Наместника и раскладывала на его столе простенький пасьянс «косынка». Если пасьянс сходилась, Наместник удовлетворенно кивал и отпускал работницу колоды домой. Если же с раскладом возникали сложности, старик настаивался и требовал немедленно определить источник возможной опасности.

За устранение этого самого источника опасности отвечала уже не гадалка, а трое помощников: казначей, ксендз и канцлер. Так как

Куриная Лапка ни разу не дала точных примет беды, а выражалась профессионально обтекаемо, о ее «предсказания» можно было мозги поломать.

Борцам со злом приходилось работать втроем. Для удобства совместной деятельности вышеназванным государственным лицам даже пришлось съехаться в общий кабинет. Три золотые буквы на двери — ККК— отражали равенство их положений, но, как любил шутить канцлер: «На «К» казначея золота пошло немного больше».

Помещение поражало посетителей смешением стилей (в его убранстве причудливо переплелись элементы монастырской кельи, парадного зала, бухгалтерии и библиотеки), а также тремя невиданных размеров столами, составленными буквой «Т». Нутро резного орехового буфета скрывало достойную коллекцию хрустальных графинчиков с напитками, среди которых особенно выделялся ведерный графин с церковным кагором. Скромное золотое распятие и портрет Великого герцога в полный рост довершали картину.

Куриная Лапка перевернула последнюю карту. Вот черт, опять.

Сегодня утром пасьянс не сошелся три раза подряд.

Как гадалка с многолетним стажем Куриная Лапка в карты не верила. Но как женщина с большим жизненным опытом она точно знала, что случайных совпадений три раза подряд на свете не бывает. Тем более что в третий раз она отвлеклась во время раскладывания карт и нечаянно выложила не «косынку», а какую-то кривую дульку, но все равно две те же самые карты оказались не на своих местах.

Черная смерть и Юный любовник. Жуткое невезение и случайный выигрыш. Злая сила и неожиданная радость. Победа и поражение.

Это колоду Куриная Лапка еще девушкой лично нарисовала на толстом картоне и придумала значения фигур. С годами они истрепались и словно бы стали более настоящими, чем были изначально. Иногда ей казалось, что некоторые картинки даже внешне изменились. Например, она не помнила, чтобы Роковая разлучница высывала язык и ехидно усмеялась. А Черная смерть? Неужели это она нарисовала столь серьезному зловещему персонажу толстый овечий жилет, накинутый прямо поверх плаща? Странно. Ладно, нужно хоть что-то сказать Наместнику.

Куриная Лапка собралась с духом, подперла щеку кулаком и собиралась уже по привычке завывать: «Ой, беда стучится в наши двери... прямо хоть бери топор и вешайся», как вдруг поняла, что не может произнести ни звука.

Пока гадалка молча раскрывала рот, как вытащенная из воды рыба, кто-то другой начал говорить за нее. Слова опускались сверху, словно падали с потолка, и проговаривал их голос, настоль-

ко похожий на голос Куриной Лапки, что бедная гадалка засомневалась — в своем ли она уме?

— Ой, беда стучится в двери... прямо хоть бери топор и вешайся. Плохи дела, пан Наместник, вижу погибель, жертвы, мор...

Когда невидимый помощник закончил перечислять несчастья, грозящие городу, Куриная Лапка помертвела: подобный прогноз мог убить кого угодно.

Ошарашенный Наместник кивнул. Его лицо, казалось, состоящее из одних морщин, на миг разгладилось — так высоко он поднял брови. Повертев в руках пару выпавших карт, старик пристально уставился в глаза Черной смерти, словно картинка могла дать более понятный ответ, и недоверчиво уточнил:

— Сегодняшний день станет началом стольких бед?

— Именно сегодняшний, — подтвердил голос Куриной Лапки. — С Черной смертью шутки плохи. Нужно немедленно принимать меры.

— А вторая карта? — уже ни на что не надеясь, прошептал Наместник. — Вот этот юноша с розой в волосах что значит?

Голос промолчал, и в воздухе явственно повисло недоумение. Куриная Лапка с облегчением поняла, что может теперь закрыть рот, открыть его вновь и вообще распорядиться своей речью по собственному усмотрению.

— Юный любовник, — поспешно пояснила она, — обычно означает взаимное чувство, но в нашем случае... думаю, это... да, я не сомневаюсь — надежда на победу!

Наместник с явным облегчением выдохнул, незаметно перекрестившись.

— В вечерней сводке новые данные об агрессивных животных, — грустно поделился он с Куриной Лапкой. — Появляются с наступлением темноты, нападают на одиноких прохожих и бесследно исчезают. Ксендз окропил одного святой водой — заверещала и пропала проклятая тварь. А еще герцогскую Плащаницу кто-то с флагштока снял. Ума не приложу, кому и на что старая тряпка понадобилась?

— Колдовство, — уверенно сказала гадалка. — Говорю же вам — надо принимать меры. Пока не поздно.

— Пся крев, — расстроено пробормотал Наместник. — Какие меры? Если я прикажу горожанам запастись святой водой, паника только разгорится.

— Ищите мага, — посоветовала Куриная Лапка. — Когда выпадает Черная смерть, действительно не до шуток.

Кровь прилила к морщинистым щекам Наместника. Умом он понимал, что беды, предсказанные гадалкой, грозят скорее городу в целом, чем лично ему. Но все же старик не мог отделаться от непри-

ятного ощущения, что карты на этот раз говорят не иносказательно, а прямым текстом: загостился ты на этом свете, ясновельможный пан, хватит. Жди саму Смерть по свою душу.

Пожевав кончик седого уса, Наместник все же решился задать мучивший его вопрос:

— Скажи, а это не может быть что-то личное? Ведь я как человек, стоящий над городом... немолодой уже человек... далеко не праведник... — Тут он окончательно смешался и умолк, пристально глядя гадалке в глаза.

— Все возможно, — согласилась Куриная Лапка, не моргая. — Но, учитывая, что сегодня аккурат день осеннего призыва на курсы, шо-то не верится.

— Не верится? — уточнил Наместник.

— Шо-то нет, — твердо сказала Лапка.

Наместник первым отвел взгляд и нажал кнопку звонка.

— Тогда пошли в соседний кабинет, расскажешь всем.

Утро. Трактир Солли

Спавшие за столом вечерние посетители давно покинули трактир, а теплая беседа двух старых друзей, один из которых не подозревал, что первый раз в жизни видит второго, продолжалась.

Хендрик поначалу вежливо слушал, изображая заинтересованность. Потом у него в голове образовалась каша из имен многочисленных отпрысков плодovitого Солли, и он незаметно для себя тихо заснул на плече «дядюшки». А вот сам дядюшка...

Обычно спокойный и невозмутимый Оскар выглядел сейчас как гончая, учуявшая дичь. Внутри него все сильнее шевелился неугомонный червячок совершенно отчетливого предчувствия. Им сегодня повезет.

Оскар отхлебывал из своего бокала и внимательно слушал. Солли подливал в его бокал и подробно рассказывал.

В очередной раз посланный за добавкой меланхоличный Кендрино вернулся из кладовой с полупустой бутылкой и доложил:

— Пиво почти кончилось. Джин тоже. Крапивянка на дне.

— Вот как? Все кончилось? — удивился Солли. — Ну и ладно. Думаю, Тино не откажется от нашего фирменного коктейля. Аперитив.

Оскар с улыбкой пожал плечами, обозначая согласие, отчего с его плеча свалился и стукнулся лбом о стол Хендрик.

— Коктейль? — по-кошачьи потянулся он. — Я люблю коктейли! Сок, что-нибудь крепкое и вишенка, да?

— Сок? — с сомнением произнес трактирщик.

• Джинн из подземки •

Черти не водятся в тихом омуте. Черти в нем работают.

Маленькое уточнение к известной поговорке

Воспоминания, в отличие от рукописей, не горят.

Из опыта сотрудников карантинной камеры

...Карантинная камера — одно из самых жутких мест преисподней. Лица утилизаторов огрубели и растрескались, а глаза слезятся от постоянного, почти нестерпимого жара. Глубина утилизационной печи такова, что брошенный предмет издает прощальное «бум» не ранее, чем сосчитаешь до шестидесяти шести, хотя чаще всего стораает молча, не успев добраться до дна. Огонь ненасытен, он тянет кверху свои жаркие руки, требуя пищи, и раздраженно трещит, получив слишком мало.

Впрочем, для него всегда находится, чем поживиться, мусора в аду хватает. К тому же специфика работы носителей Отрицательной сущности (в просторечии — чертей) такова, что нет-нет да и принесешь с задания какую-нибудь незапланированную штуку, категорически запрещенную на территории Организации. То святая вода одежду закапает, то не в меру ретивый клиент ухитрится на прощание опустить в карман полевой формы записочку-напоминание со своим заказом, совершенно не заметив, что использовал в качестве бумаги церковный бланк «За здравие»... Что делать, приходится трудиться в сверхсложных условиях!

Кроме сжигания мусора карантинная камера прекрасно приспособлена для уничтожения материальных объектов, принадлежащих Организации, по указанию вышестоящего начальства. Вот как сегодня.

...«Глаз» № 1680! Приговор административного Совета: на переплавку! Следующий!..

Черные языки пламени весело заплясали в жаркой глубине, пожирая жесткий крылатый корпус «глаза» и разноцветные микросхемы. Последняя искра, взлетевшая к закопченному потолку, возвестила о кончине невидимого смертным электронного прибора, верой и правдой транслирующего в эфир все, попадающее в поле его зрения. Объективно и бескомпромиссно, без выходных и праздников, без купюр и комментариев. За что и поплатился.

Мы с толстяком черти опытные: я проживаю уже четвертую по счету жизнь, он — пятую. Оттого не шелохнулись, хотя затянувшаяся процедура нам уже успела порядком надоест. Наша напарница, более молодая и чувствительная, устало склонила рожки и прикусила завитой кончик хвоста:

— Товарищ куратор... может, остальных не надо, а?

— Надо, Вторая, надо, — твердо ответил микрофон голосом курирующего администратора. — Они стали свидетелями дела особой секретности. А со свидетелями что делают? То-то и оно. Крепись, детка, немного осталось...

Очередной приговоренный, извлеченный из мешка, забился в когтистых ухватах утилизатора. Но на равнодушного, затянутого в нестерпимый комбинезон палача пантомима не произвела никакого впечатления. «Глаз» был аккуратно водружен на край печи в ожидании своей трагической участи.

Все согласно инструкции. Чтоб ее...

Круглый зрачок-камера уставился на меня с немим укором и осветился изнутри. Вся прошедшая жизнь электронного наблюдателя побежала перед его мысленным взором, стремительно отображаясь в расширенном зрачке. По крайней мере, самые запомнившиеся моменты. А ну-ка, посмотрим...

Вот заросший шерстью мускулистый древний человек гонится за самкой и, споткнувшись, падает в яму-ловушку, расставленную лично, но не на себя любимого, а на вислозубого тигра. Очевидно, именно тогда и родилась поговорка «не рой яму другому». Предсмертная мудрость, ха-ха. Самка же от изумления теряет дар речи и в таком потрясенном виде достается какому-то дохлому на вид пареньку, сподобившемуся вовремя выскочить из кустов. Естественный отбор во всей красе.

Вот некое совершенно незнакомое мне широколобое бородатое создание в черном плаще азартно машет руками, что-то декламирует нараспев и заполучает на свою голову ливень, снег и солнечный удар одновременно. Все понятно, это и есть один из знаменитых древних первомагов Каперии. Перестарался, бывает.

А вот вообще умора: напыщенный хлыщ в бархатном кафтане подхватывает очаровательную девицу под локоток и, поигрывая завитыми усиками, заводит разговор о погоде. Да так ловко, что через секунду девица лишается почти всей одежды, орет благим матом и старается отбиться, но упорный малый, как ни в чем не бывало, продолжает показывать, откуда именно и куда движется грозовой фронт.

М-да, подборка воспоминаний впечатляет. Бедный, бедный при-

говоренный «глаз»! Не любоваться тебе больше пикантными сценами...

Виском я почувствовал тяжелый взгляд сотрудника карантинной камеры и резко обернулся. Оказывается, утилизатор оторвался от занимательного зрелища и потрясенно тычет в меня когтем:

— Это же ты! Там, на диване с девкой! Думал, прикроешь морду, и никто не узнает? Точно ты!

Наклонившись к самому зрачку, с ужасом убеждаюсь в его правоте. Я. Точнее, мой морок-дубликат, волею судьбы оказавшийся затейником по части совмещения куртуазного разговора о тучках и грубого животного секса.

Вот именно в этот момент жалость к «глазу» куда-то испарилась. Я легонько подтолкнул электронного предателя пальчиком в гудящее пламя, чтобы не мучился излишними подробностями, и, деловито отряхнув руки, тихонько шепнул в микрофон:

— Товарищ куратор!..

— Слушаю тебя, товарищ полевой работник инвентарный номер 437/138-5!

— Утилизатор узнал меня в зрачке «глаза»! Что делать?

Длинный расслабленный зевок вылетел из наушника.

— Да ничего, — равнодушно сообщил куратор. — Не напрягайся, Пятый. Как закончите, ему сотрут память, и все дела. Думаешь, первый раз подсматривает? У них в карантине своих радостей мало, так что весь штат поголовно слаб на чужую «клубничку». Надеюсь, как особь, пасущаяся на свободе, ты отнесешься с пониманием.

Услышав краем оттопыренного ушка, что я разговариваю, Вторая тут же обиженно хлестнула меня кончиком хвоста по рогу.

— Вы о чем там шепчетесь?

— Обсуждаем дальнейшую судьбу всех причастных к сверхсекретной операции, — сухо ответил я. — Кого в расход, кого оставить.

Длинные изогнутые ресницы чертовки тут же встревоженно захлопали.

— Ой! Да как же так, Пятый! Я же... могила немого! Рыба об лед! Никому ни словечка, ты же меня знаешь!

— Знаю, — сурово согласился я. — Потому и уговариваю товарища куратора пощадить твою и без того короткую девичью память. Помаши на прощание «глазу». Это последний.

Чертовка растерянно подняла наманикюренную ручку. В дверь карантинной камеры нетерпеливо забарабанили:

— Эй! Вы там долго возиться собираетесь?!

— Минут десять! — откликнулся утилизатор, отправляя пустой мешок вслед за догорающими «глазами» в печь. — А что за спешка?

— Еще одного «зайца» на капсуле поймали, надо бы убрать. Вот зараза! Как сумел пробраться на борт, ума не приложу!

— Гном? — почти утвердительно уточнил Третий, почесывая лоб пухлым пальцем.

— Гном, кто же еще...

— Это уже который по счету? — криво улыбнулся я.

— Шестой, кажется. Или седьмой...

— Не приму. Приказ сверху: гномов не сжигать, — сообщил утилизатор. — И предыдущих шесть штук тоже заберите, они у меня в подсобке. Все сухари из пайка сожрали, сволочи, и на ковер нагадили. Правда, рукастые, мерзавцы, этого не отнять. Сломанный приемник вот починили. Минутку, сейчас закончу с товарищами, и вы своих гномов заберете.

— Ничего себе заявление! — возмутились из-за двери. — И куда мне их? Выпустить на месте прежнего обитания?

— Ни в коем случае. С базы не выпускать до принятия решения САМИМ.

— Что за невезуха! — окончательно расстроился ожидающий очереди черт. — Пока ЕМУ доложат, пока ОН решит... На кой ляд мне семеро гномов? У меня и приемников-то сломанных нету...

Вторая тихонько хихикнула, прикрывшись кончиком шали. Я не выдержал:

— Проще простого, брат. Берешь всех «зайцев», временно обездвигиваешь, красишь в разные цвета и ставишь на газончик перед входом в резиденцию главы нашего филиала. Типа скульптурная композиция, она же ненавязчивое напоминание. Только шапки им поярче натяни. Для пущей декоративности.

— А что? — загорелся мой коллега и собеседник. — Мне нравится! Спасибо за идею!

— На здоровье, — скромно ответил я, разворачиваясь к напарникам. — Ну что, пошли?

Вопреки ожиданию, они не выказали энтузиазма. Огромные глаза чертовки широко распахнулись и налились страхом. Третий наоборот — зажмурился. Я с удивлением проследил, как лицо и шея толстяка плавно утрачивают окраску, делая его похожим на чрезмерно упитанного мучного червя.

— Да что с вами тако...

Широкая задвижка со скрипом двинулась в паз двери карантинной камеры, а сверху уже опускались дополнительные створки, которые на моей памяти применялись лишь однажды: когда бригада боевых работников притащила на себе особо опасный штамм мутировавшего вируса черной лихорадки.

— Э нет! — Утилизатор растянул тонкогубый рот в широкой са-

дистской улыбке и лукаво мне погрозил. — Куда? С вами, товарищи, мы еще не закончили...

«А ведь начиналось все так... обыденно!» — успел подумать я, прежде чем ко мне протянулись когтистые ухваты...

С чего все началось.

База, общежитие полевых работников

Очень раннее утро

Посылка пришла с опозданием на десять часов, рано утром, когда мы спали. Новенькая транспортировочная камера мелко задрожала и исторгла из себя душераздирающий стон — сигнал о том, что переброска благополучно завершена и можно получить заказ.

Не разобравшись спросонья, я по привычке предпринял попытку убить очередной будильник (они у меня долго не задерживаются), но промахнулся. Камера продолжала визжать.

Из противоположного угла комнаты послышался испуганный вопль, и что-то с глухим стуком упало на пол.

— А? Что?!

Со вчерашнего вечера я успел забыть, что Третий, так и не дождавшись груза, уснул у меня на диване, и сам чуть не заорал от неожиданности. В стенку заколотили.

— Это безобразие! Вы угомонитесь или нет?! Половина шестого! А-а-а-а! Дзиннь! А-а-а-а-а!!!

Звук падения мини-гильотинки и предсмертный крик казенного механического человечка слились воедино, заставив вибрировать забытый на тумбочке стакан. Ага, вот и будильник, легок на помине!

Быстренько стряхнув с себя остатки сна, я резким ударом хвоста по кнопке погрузил будильник в беспамятство, одновременно изо всех сил давя правым копытом на рычаг дверки транспортировочной камеры.

Все-таки иногда удобно быть чертом.

Пока мой постоянный напарник и лучший друг поднимался с пола и сонно таращил глаза, камера торжественно открылась, обдав нас клубами едкого желтого дыма, и мы увидели... увидели...

А что, собственно говоря, это такое?

— Та-а-ак, — растерянно протянул я, оглядываясь на Третьего. — Что за икебана?

Толстяк осторожно разгреб мятые сосновые иглы и шишки, которые толстым слоем устлали дно камеры, и кончиками когтей приподнял наш трофей: нечто среднеарифметическое между большой рукавицей и кургузой шапчонкой.

— Э... артефак? — неуверенно предположил мой друг, задумчиво почесывая лоб.

— Лучше не скажешь, — согласился я, разгоняя руками вонючие желтые облачка, порхающие по комнате. — Где накладная?

Третий бросился к стулу, на котором вечером свалил свою форму, и принялся лихорадочно вытряхивать карманы. Пол украсился ворохом оберток от шоколадных батончиков и хвостиками копченых колбасок.

— А! Вот она! — обрадовался толстяк, извлекая на свет заляпанную бумажку с расплывшейся печатью. — Бо... бое... ру-ка-ви... Аль... фреда? ..берта? Нет, не разберу.

— Дай мне! — Я вырвал у него накладную, быстро пробежал глазами по строчкам и горестно вздохнул — разобрать что-либо в этой тарабарщине было невозможно. И самое грустное — даже претензий не предъявишь. Запрашивали у фирмы некое «бое рукави Аль»? Получите, это оно и есть.

Что хорошо в Третьем — если ты голоден, у него всегда можно поживиться куском качественной еды. Что плохо — любой предмет, попавший ему в руки, моментально покрывается слоем белков, жиров и углеводов. Независимо от материала, из которого изготовлен.

Из-под кровати выползла недовольная Шива. Вчера Третий целый вечер гладил ее по пушистой спинке, чтобы, как он выразился, «снять стресс», и теперь моя кошка больше напоминала засаленную крысу.

— Ты бы хоть иногда мыл руки, — не выдержал я. — Про накладную молчу, но кошка-то при чем? Бедному животному теперь неделю придется вылизываться!

— Зато кормить не надо, — беспечно ответил толстяк. — Ну так что, берем заказ?

— Берем, — со вздохом согласился я. — Уже почти шесть. Вот-вот Вторая пожалует, чтоб ее...

Сказать, что моя (а теперь и Третьего) новая напарница была стихийным бедствием — не сказать ничего. Стихийные бедствия могли у нее учиться. Откуда в изящном теле такая разрушительная сила, не могу понять до сих пор, но факт остается фактом: везде, где появляется Вторая, начинаются непредсказуемые катаклизмы. Сопротивление бесполезно, только страдаешься.

Обиженная Шива прекратила облизывать шерсть, сыто икнула и настороженно прислушалась. Из коридора все громче доносился характерный перестук каблучков. Секунда... еще секунда... и дверь резко распахнулась под ударом лакового ботинка на высоченной шпильке.

— Привет, мальчики! Ну как наш трофей? Пришел?

Мы с Третьим дружно промычали что-то неразборчивое и ткнули пальцами в сторону камеры.

— Они прислали вот это? — изумилась обладательница белокурых кудряшек, позолоченных рожок и жгуче-черных глаз, присаживаясь перед камерой на корточки. — А где боевая латная рукавица?

— Чем богаты, — доложил я.

— У кого накладная?

Третий, потупившись, предъявил бумажный комок, в который превратился бланк заказа.

— Это что? — Выщипанные в ниточку брови красавицы-чертовки грозно сошлись на переносице. — Начинка для плевательной трубки чернокожего воина? Неприкосновенный запас прессованной туалетной бумаги? Почему так помято?!

— Не горячись, — прервал я ее. — Можем специально для тебя прогладить, но это ничего не даст. Увы. В расправленном виде документ тоже бесполезен из-за художественно разбросанных по строчкам пищевых пятен. Максимум, что удастся прочитать: «бое рука Аль». Аллес.

— Охо-хо-хо, — пригорюнилась Вторая, грустно рассматривая посылку. — С первого взгляда ясно: новодел, причем бракованный. И кому теперь прикажете втюхивать эту дрянь?

— Может, найдется коллекционер-оригинал? — с робкой надеждой в голосе пискнул Третий.

— Сделка, совершенная с умственно отсталым лицом, по закону считается недействительной, — сурово отчеканила Вторая. — Разве что ты сам купишь. А что! — Тут она оживилась. — По-моему, прекрасная идея! Купи перчатку, Третий, а? Смотри, какая интересная вещица! Мягкая, серенькая, вся в иголках! Мы тебе как своему даже скидочку сделаем. Процента полтора-два. Согласен?

Изящная ручка с кроваво-красным маникюром как бы между прочим опустилась на широкую грудь толстяка и принялась ласково отряхивать крошки, которые обильно покрывали комбинезон Третьего. Когда мой осоловелый напарник окончательно размяк и был готов согласиться на что угодно, я не выдержал и вступился за друга:

— Эй! Детка, детка! Полегче на поворотах! Своих не нажуливать! Прокол так прокол. Что-нибудь придумаем.

— Охо-хо-хо, — окончательно скисла Вторая, убирая руку с груди Третьего и брезгливо вытирая ладонь о спинку моего кресла. — И от зарплаты, как назло, почти ничего не осталось... Я так рассчитывала, что все получится. Уже и туфельки присмотрела...

Тут мы с Третьим синхронно вздрогнули. «Туфельки присмотрела» — это серьезно. Лишить нашу красавицу очередной покупки

любимой обуви все равно что вырвать кусок мяса изо рта у голодного тигра. За пару странных лаптей на шпильке напарница легко может убить, имеется у нее такая маленькая слабость.

И ведь что обидно — нашей вины в случившемся нет. Точнее, почти нет. Ну испортил Третий накладную, претензии поставщикам теперь не предъявишь. Но мы и так их вряд ли предъявили бы. Ведь совершенный нами вчера поступок балансирует на тонкой грани между природной импульсивностью и злонамеренным нарушением Кодекса.

Для непосвященных поясню.

Лирическое отступление.

Людская страсть к коллекционированию сродни одержимости дьяволом. С той разницей, что полный курс из тринадцати черных месс с жертвоприношением кур, ароматизированными кровью свечами и групповым впадением в транс обходится гораздо дешевле, чем покупка иного потертого до неприглядности холста. Да что живопись! Собирают спичечные коробки, этикетки от рома, фарфоровых собак, пустые зажигала, старые деньги, пробки.

Дать колеблющемуся грешнику то, о чем он втайне мечтает, перетянуть этим на свою сторону, а заодно и запустить цепочку будущих грехов — обычная практика носителей Отрицательной сущности, или, в просторечии, чертей. Ни один полевой работник не затруднится с выбором предмета подкупа коллекционера, надо лишь узнать, что он собирает.

Никаких нарушений Кодекса! Речь ни в коем случае не идет об обмене на душу, это просто подарок. Человек во время типовой жизни средней продолжительности самостоятельно успевает натворить столько, что и без подписанного кровью договора ему прямая дорога в ад. Наши писари работают в четыре смены и все равно стирают руки до крови, внося в личные дела дополнительные строчки.

К сведению тех смертных, кто наивно считает, что каждый его шаг фиксируется подробно: мы уже давно перешли на сокращенное изложение фактов. Прелюбодействовал — и точка. С кем, как именно, что было надето на ней, что на нем, что на остальных (и такое бывает, хотя и не часто), какие моменты наиболее запомнились и кто подслушивал под дверью — это уже детали, неинтересные никому, кроме непосредственных участников.

Теперь о сегодняшнем задании; открываю разнарядку. Смена: вторая, моя любимая. Клиент: глава конной сотни, видный военный чин, собирает боевые артефакты с волшебным прошлым. Предполагаемый предмет подкупа: естественно, что-то из древнего обмундирования.

Изучив материал три дня назад, отдел прогнозов пораскинул

электронными мозгами и выдал однозначное: боевая латная рукавица бывшего предводителя халлов Альфреда Могучего. Именно с нее начнется цепь гарантированных случайностей, в конце которой солидная часть конной сотни отправится к нам прямо в седлах и не снимая шпор. Клиент был спешно подготовлен слухами (прекрасная работа Третьего до мозолей на языке) и поверил в то, что владелец сей ценности кроме дохлых блох заполучает непобедимость и силу рукопожатия, которой был столь славен ныне покойный Альфред.

Естественно, пан военачальник загорелся — кому же не хочется стать непобедимым, причем таким легким способом! Да и мечты о том, как он играючи расплющит руки нескольким близким друзьям, тоже грели душу.

Вчера в мою комнату притащили казенную камеру для поатомной транспортировки неодушевленных объектов. Куратор сделал заказ. Фирма «Прометей», базирующаяся невесь в какой глуши и занимающаяся поставкой исторических артефактов, его приняла. И тут Вторая нарушила гладкий ход событий, поддавшись соблазну.

На самом деле нашу красавицу трудно винить. Во-первых, природная склонность к авантюризму — как говорится, какие гены достались, с теми и живи. Во-вторых, бланк заказа — словно нарочно простенький, так и просится подделать. А в каталоге «Прометея» столько заманчивых вещей, без которых почти невозможно прожить. Например, вечно новая беспроегрешная колода игральнх карт на шелковой основе и в шелковом же футляре самого известного шулера Соединенного королевства, имеющего шесть пальцев на левой руке и кличку Лысый Кон, — лично меня этот лот заинтересовал. В основном из-за шелка, картами я не слишком увлекаюсь.

Или омолаживающее зеркальце, глядение в которое вычитается из прожитых лет. Его вписала Вторая.

Я уже не говорю о нитках скатерти-самобранки, усыпанных вечными крошками. Его добавил Третий. С явной надеждой спрясть обрывки воедино и превратить процесс поглощения пици в постоянный.

Нервное хихиканье с оглядкой друг на друга, неразборчивая закорючка... и в итоге к «Прометею» ушел еще один заказ — наш.

По закону подлости именно его и выполнили первым, вместе с аккуратными фирменными пакетами вложив любезное уведомление: счет не приплюсован к предыдущему заказу, а выставлен бухгалтерии отдельно и составляет... ох-ма...

Прикинув в уме размер собственной годовой зарплаты после того, как с меня снимут шкуру и один уровень, и помножив эту

скромную цифру на сто лет, я получил гораздо меньше. Судя по перекосившимся глазам Второй (правый никак не мог оторваться от бланка, а левый грустно взирал в противоположную сторону), она получила аналогичный результат.

Боевая латная рукавица стоила дешевле в сто двадцать раз.

Наверное, нечто похожее испытывает посетитель трактира, который целый вечер жрал в три горла по неведению исключительно деликатесы и пил самое иностранное, в конце же этой гастрономической оргии обнаружил на месте кошелька свежую прореху, а у дверей парня с кулаками больше арбузов. Мы с Третьим рухнули в кресла и предались мысленному самобичеванию.

От горестных размышлений о несовершенстве мироустройства нас спасла Вторая.

Красавица-чертовка предложила еще одну авантюру, она же спасительный план: не ограничиваться заданием. Дождаться доставки рукавицы, вручить ее клиенту, а на обратном пути к базе задержаться в городе и толкнуть наши приобретения смертным за наличный расчет. Авось пронесет.

Спросит бухгалтерия, на что пришел астрономический счет — на дополнительные артефакты. Уже проданы смертным в виде эксперимента за их презренное золото. Вот вырученные деньги, до последней ржавинки. «Сентаво паунд бережет» — что мы, не понимаем? Понимаем. Вот и решили испытать новый метод на себе, как делала во время чумы врачи-подвижники.

Вероятно, шанс у нас был. Жалкий, как слабый росток, но все же реальный.

Вот только ротозей из «Прометей» подрубили его под корень, прислав вместо кураторского заказа мусор. Соваться с так называемой рукавицей к сотнику бессмысленно — лишь опозоришься. Данная безделица даже руки пожимать не годится — расплзется по швам, распространяя вокруг специфический запах свалки.

— Ангелы побери «Прометей»! — взвыл Третий. — Это они виноваты! Жулики! Надо срочно жаловаться куратору!

— Ага! — вздохнул я. — Заодно расскажешь, с какой такой радости подделал бланк и выписал за казенный счет кучу игрушек. Напоминаю: куратор не идиот. И убедить его в том, что военачальник передумал и решил победить вражескую армию виртуозной игрой в эльфийского дурика вместо того, чтобы покрасоваться на коне, вряд ли получится. Как и в том, что крошки — лучшая диета во время боевого похода.

— Выговор? — тоскливо простонал толстяк.

— И понижение на уровень! — провернула кинжал в сердечной ране Вторая. — Ладно, довольно скулить. Чтобы не пострадали все,

предлагаю выбрать козла отпущения, который и возьмет вину на себя. Например, Третий. Именно он привел в негодность кураторскую накладную.

— Я за! — вскинул ладонь я.

— Я тоже! — согласилась чертовка. — Итак, постановили: большинством голосов виноват Третий.

— А я против! — возмутился толстяк.

— Поздно. Голосование закончено, — отмахнулась Вторая. — Не сопи, я на жалость не поддаюсь. Сочувствую тебе, Третий, и верю, что ты искренне раскаиваешься в своем непродуманном поступке. Береги нитки от скатерти-самобранки: мне говорили, заключенные даже крошкам рады. А вот зеркальце давай сюда, я спрячу. За решеткой оно тебе все равно ни к чему.

— Может, что-нибудь придумаем, а? — заныл Третий.

— Не мучайся, все равно влетит по полной программе, куратора не обманешь! — как всегда деликатно успокоила толстяка Вторая.

В комнате повисло молчание, но длилось оно недолго. Сигнальная лампочка над дверью окрасилась алым и тревожно замигала — меня вызывал курирующий администратор, по традиции легкий на помине. Обреченно вздохнув, я нацепил на голову переговорное устройство, в спешке чуть не перепутав микрофон с наушником, и расстроено рывкнул:

— Да!

— Во-первых, доброе утро, товарищ полевой работник пятого ранга инвентарный номер 437/138-5! — дежурно поприветствовал меня куратор.

— Допустим. И что?

— Во-вторых, немедленно собирайся, на твою группу разнарядка.

Оглянувшись на скорчившегося в углу толстяка, я вдохнул полной грудью, мысленно простился с нашивкой и признался:

— Лететь не имеет смысла. С доставкой артефакта возникла проблема.

— Плюнь на артефакт. Собирайся, время дорого.

Не иначе, плохо расслышал. Обычно чтение поучительных лекций — любимая забава куратора.

— Товарищ куратор! — Я повысил голос почти до крика. — Произошла досадная ошибка с доставкой боевой рукавицы! Нам нечего дать сотнику! — Тут с перепугу меня посетило вдохновение, и я уже тише, но намного бодрее продолжил: — Мы с напарниками рискнули проявить инициативу и дополнительно заказали кое-что, чтобы не прилетать к клиенту с пустыми руками. Счет в бухгалтерии. Правда, пустого бланка не нашли, пришлось соорудить на глазок.

Но «Прометей» его принял! И даже заказ успел доставить. Вместо одной латной рукавицы сотник займет сразу три экспоната помельче! Правда, здорово?

— А? Молодцы, я потом подпишу, — рассеянно промямлил куратор и спохватился: — Пятый! Повторяю последний раз: немедленно собирайся!

Ни крика, ни проклятий, ни мрачных прогнозов о разорении Организации из-за таких транжир, как я? Никого не пообещали немедленно пустить на корм тиграм? Да это чудо! Истинное чудо! В углу раздался придушенный визг — толстяк решил убедиться, что слышит доброго куратора не во сне, и ущипнул себя за бедро. Естественно, со всей дури. Постепенно обретая прежний апломб, я скрестил на груди руки и заботливо напомнил:

— Вы перепутали, наша смена сегодня с обеда. Вот разрядка.

— Каждый носитель Отрицательной сущности принадлежит Организации целиком и полностью в любое время дня и ночи, — сухо процитировал Устав куратор. — Выкинь эту бумажку, она уже устарела. Обстоятельства изменились. Топай в пятый блок гаража, там ваша новая капсула. Реквизит костюмеры уже упаковали, переоденетесь на ходу, время поджимает. Готовность пятнадцать минут. Да, чуть не забыл — напарники у тебя?

— Здесь.

— Наслышан о непростых взаимоотношениях в вашей команде! Втроем, значит, решили заночевать? Понятненько, хи-хи...

Хотя никто из полевых работников не видел своих курирующих администраторов лично (не положено по Уставу), я легко представил себе сальную улыбочку прикрепленной ко мне канцелярской крысы.

Пока наушник дробно вибрировал от ехидного смеха, любопытная напарница не выдержала и, подскочив к кнопке, включила громкую связь.

— Это вы над кем там хихикаете, а?

— Вторая! — радостно изумился куратор. — Ты еще здесь? Очень кстати, я забыл тебя предупредить, чтобы никаких туфель на шпильках. Задание нестандартное. Ну что, орлы, морально готовы? Вперед!

— А как же завтрак? — робко вякнул с дивана Третий.

— Сухие пайки загружены в капсулу, — сухо отбрил его куратор.

— Да что стрясло... — Я не успел закончить фразу, как меня перебила возмущенная Вторая:

— Это почему еще без шпилек?

— Говорю же: задание нестандартное! — с досадой повторил куратор.

Тоже мне удивил. На срезе моих рогов три кольца (это означает, что я проживаю уже четвертую жизнь), и лично я ни разу — повторяю: ни разу! — не получал стандартных заданий.

— Ладно, будем. Только через пятнадцать минут я не успею, — протянула Вторая. — Мне еще обувь искать.

— У тебя нет обуви? — изумился куратор, прекрасно изучивший комнату нашей красавицы, от пола до потолка заставленную коробками.

— Без шпилек нет! — упрямо надула губки Вторая.

В громкоговорителе послышался тихий стон и чей-то посторонний неразборчивый голос. Как я ни напрягал слух, но смог разобрать лишь «совсем бездельников распустил» и «сам полетишь, если справиться не можешь». Кажется, нашего куратора кто-то ругал. Возможно, его куратор, если такая должность вообще существует.

К чести невидимого и почти неслышимого собеседника, он обладал прекрасным даром внушения. Мой администратор заорал так, что Шива забилась под шкаф, а динамик чуть не треснул от напряжения.

— Лети босая!

Когда надо, то мы, полевые работники, ребята сообразительные. Какая там готовность пятнадцать минут! Уже через пять, с перепугу застегнувшись не на те пуговицы, мы стояли навытяжку в пятом блоке гаража и изумленно таранились на доселе невиданное транспортное средство.

Меньше всего наша новая капсула напоминала капсулу. Сверкающий серебристым лаком капот гоночного болида продолжался корпусом представительского лимузина, а сзади был ловко присобачен потрепанный жизнью багажный отсек от грузового перевозчика. Многочисленные ямки на корпусе багажного отсека, проеденные ржавчиной, были аккуратно зашпаклеваны и покрашены, причем, судя по запаху, совсем недавно.

Так как обычно мы пользуемся типовыми раздолбанными двухместными машинами, Третий почти прослезился от умиления. Навивный толстяк решил, что лишние сиденья предусмотрены для его удобства (из-за нестандартных габаритов раньше ему приходилось тесниться в багажном отсеке).

— Это нам? Вот спасибо!

Куратор замаялся.

— Ой! А почему номера чужого филиала? — удивилась Вторая, приподнимаясь на носочки (полуторадоймовые каблуки ее туфель явно казались нашей красавице непривычно низкими).

— Для конспирации, — сухо ответил администратор. — Коорди-

наты первой цели: улица Святого Люциана, дом три, клиент Ниацин Коваль, составитель травяных сборов, сын аптекаря. Копия договора в бардачке. Клиент прогарантировал исполнение поручения, но будьте бдительны, этот аптекарский сынок жучок еще тот. Обманет и не поморщится. Ну что, бойцы — стартуйте, время поджигает!

— А она не развалится? — Чертовка с опаской ковырнула заднее крыло и тут же отскочила: — Ангелы побери! Ноготь краской испачкала! Вот же...

— Да тронетесь вы или нет?!

В голосе обычно невозмутимого куратора звучала искренняя ярость. Нечего и говорить, что мы занервничали, впихнулись в капсулу, как попало, и вылетели из гаража со скоростью звука. Не уверен даже, что техники успели до конца открыть ворота, — во всяком случае, что-то противно царапнуло по бокам нашего транспортного гибрида.

Первые несколько минут летели молча, никто не решался заговорить. Наконец Вторая не выдержала:

— Слушай, Третий, будь другом, посмотри, что нам загрузили в дорогу.

— Золотые слова! — поддержал ее я.

Чертовка была права. Как ни смешно звучит, многое о будущем задании можно узнать, просто изучив содержимое багажного отсека. Толстяк перестал чавкать и со вздохом полез назад. Отсутствовал он долго и вернулся совершенно обескураженный с болтающимся на шее обрывком веревки.

— Что там? — забеспокоилась Вторая.

— Еда так себе, — грустно сообщил Третий. — Стандартный набор.

— А кроме продуктов что-нибудь есть?

— Много чего, — встревоженно покачал головой Третий. — Одних только пузырьков с наклейками «яд для смазывания кинжалов» десяток. Еще имеется отравленное вино, спрей для уничтожения отпечатков пальцев, искусственное привидение, серные дымовые пашки, программируемый камень, падающий на голову согласно выставленному времени... — тут толстяк захрипел и схватился обеими руками за горло.

— Что это с ним? — испугалась чертовка. — Никак подавился?

— С ним, а также на нем, — радостно доложил куратор, снова появляясь в эфире, — самоудушающий шнур! Эффективность восемьдесят семь процентов, так что ты помоги ему, Вторая. Эй! Эй, Вторая! Что ты делаешь?

— Вручную повышает эффективность действия шнура до ста процентов, — злорадно объяснил я, оттаскивая напарницу от моего

друга и помогая ему освободиться от веревки. Руль при этом пришлось придерживать коленом.

Спасенный толстяк рухнул на пол и тяжело, с присвистом задышал, бросая на напарницу недобрые взгляды. Обиженная красавица демонстративно покинула место второго пилота и уползла в хвост капсулы. Спустя секунду сзади зашуршали пакеты.

— Ой! — изумилась чертовка. — Да тут одежда валяется! А кружев-то, кружев! И дерюжка какая-то.

— Это ваши рабочие костюмы, — любезно пояснил куратор. — Конкретно то, что ты держишь сейчас в руках, — твое платье.

— Тряпка?!

— Повседневное платье городской служанки.

— Кого?!

— Служанки. Предупреждая дальнейшую истерику, говорю сразу: работаете в графском замке. Пятый — знатный вельможа из рода Рик, Третий его родной брат, а ты... прости, детка, но таким высокопоставленным господам не обойтись без прислуги. Ты все поняла?

Не выдержав, я засмеялся.

Высоко задрав подбородок, чертовка молча промаршировала из багажного отсека в нос капсулы, умудрившись не задеть при этом низкого потолка. Легонько шевельнув бедром, она смела с кресла растерявшегося Третьего и плюхнулась рядом со мной, изо всей силы вонзив мне в ногу каблук своего ботинка.

— Уй! — вскрикнул я, чуть не выпустив руль.

— Простите, хозяин. Я нечаянно, — елеиным голоском пропела красавица.

— Вот именно поэтому я и наложил запрет на шпильки, — глубокомысленно изрек куратор. — Ну что, орлы, вижу, у вас накопились вопросы? До аптеки еще четверть часа лету, так что слушайте задание...

Второй дом от края Ключа

Два часа пополуночи

Как и положено опытным нарушителям закона, они подъехали поздно ночью.

Едва не пропустив в темноте нужную калитку, возница резко натянул вожжи, и телега чуть не опрокинулась. Гнедой жеребец с белым пятном на лбу прижал уши и нервно заржал.

— Выгружай!

Двое крестьян разгребли солому и, сгибаясь под тяжестью ноши, потащили к дому брыкающийся сверток. Стоило носильщикам уб-

рать руки, как сверток резко забился и предпринял попытку отползти, но тяжелый сапог с деревянными гвоздиками на подошве придавил его к земле:

— Лежать!

От дома отделилась невысокая фигура. Бородатый мужчина в плаще с побитым молю кроличьим подбоем поднял повыше фонарь и осветил грязный мешок со следами свежей штопки.

— Это *он*?

— Не сомневайся, хозяин.

— А не вырвется?

— Обижаете. Три мотка заговоренной конопляной веревки на шенка извели.

Мужчина отвязал от пояса круглый кошель с вышитой монограммой.

— Держи. Как договаривались.

Возница резво протянул руку, но бородатый шлепнул его по тыльной стороне ладони.

— Куда?! Сказано было — никаких следов! Подставляй свои грабли, сейчас высыплю...

Горсть паундов перекечевала из кошелька в потную ладонь. Возница потупился.

— Доплатить бы, хозяин... Лошади извелись за дорогу, они ведь чувят его, страшно... Да и нам досталось. Пока ловили, двоих подрал...

— Нечего было рот разевать, — сурово заметил мужчина. — Тоже мне... охотнички. Бери, что дают, или проваливай. Хотя постой! Сумеешь еще одного добыть? Примерно такого же возраста, можно чуть старше. Плачу по прежней таксе.

— А... — воодушевленно начал собеседник, но был решительно перебит в самом начале фразы.

— Ни сентаво больше!

— Постараемся.

Разочарованно вздохнув, возница цыкнул на застывших неподалеку сонных носильщиков, загоняя их обратно на телегу, а сам забрался на облучок. Не дожидаясь понукания, конь рванул с места, и ночные гости быстро скрылись за поворотом.

Бородатый огляделся по сторонам и, ухватив яростно сопящий мешок за горловину, поволок его по дорожке к сараю. Дверь сарая с осторожным скрипом отворилась, и плохо различимый в темноте помощник принял груз из рук в руки.

— Давай сюда. Ух ты, тяжелый какой! Не переросток?

— В самый раз, по человеческим меркам лет десять-одиннадцать, как просили. Где лунный календарь?

— В доме.

— Пошли. Нужно все рассчитать.

— А зачем ты еще одного заказал?

— Пригодится. Сейчас на них самый спрос: и проводник, и ищейка в одном лице — удобно. Утром проверишь щенка и к ночи отвезешь в Тор. Оставишь на прежнем месте в заброшенном доме, заказчик заберет лично. Только не на самом виду клади! Закопай в мусор.

— Не сомневайся, — с тихим смешком кивнул помощник. — Уж чего-чего, а мусора там... в прошлый раз сапоги до верха голениц угадил. Отвратительное местечко.

— Зато пустое, без свидетелей.

Выпустив невидимого собеседника на дорожку, бородатый легонько погладил через мешковину бок пленника и запер дверь сарая на оба замка. Потом подумал и припер для надежности сосновой жердью. Щенок он, конечно, щенок, но все-таки не халлийская болонка, а вервольф.

Тихо шаркнула подметка сапога, вытираемая о ступеньку, и все затихло...

Насчет замусоренности заброшенного дома поставщик вервольфов попал в точку. Любое нежилое строение в городе через короткий промежуток времени почему-то оказывалось заваленным всякой дрянью по самую крышу. Даже если закрыть его на десять запоров, а окна забить досками — все равно каким-то мистическим образом горожане умудрялись утащить оттуда все мало-мальски пригодное для личного хозяйства, в качестве компенсации наваливая горы отходов из того же самого хозяйства.

А вот по поводу отсутствия свидетелей можно и поспорить. На самом деле заброшенные дома редко бывают пустыми. Заброшенный дом не горд и привлекает всех: лишившихся собственного жилья домовых-погорельцев, облезлых кошек, прячущихся от дождя птиц, мелких воришек, бегущих от стука железных каблучков ночной стражи. Все те, кому заказан вход в сверкающие лаком двери приличного семейного особняка, в любое время могут рассчитывать на гостеприимство ободранных стен.

Двухэтажное строение на окраине Старого грода еще помнило те времена, когда цветы не росли из трещин на его каменном теле, а стояли на столе в высокой вазе. И хотя сейчас у него отсутствовали не только стекла в оконных проемах, но и крыша, здание все еще хранило следы былого великолепия, демонстрируя прохожим строгий портик антик и остатки лепнины по обе стороны некогда парадного входа.

В тот самый момент, когда поставщик вервольфов пристраивал

щетка в сарае, кусты у глухой стены заброшенного дома раздвинулись и выпустили на свет божий высокого демона, одетого в скромную серую куртку, брюки в тон и необычные ботфорты: множество узких треугольничков, сшитых друг с другом незаметными стежками. Отряхнув с себя прилипшие кленовые листья и картофельные очистки, он расправил плечи и с некоторым усилием поднял за спиной черные крылья.

В дальнем углу, заваленном мусором, послышался шорох.

— Имоха? — не оборачиваясь, спросил демон, вытаскивая из кармана миниатюрную саламандру на цепочке и щелкая ее когтем по хвосту, чтобы прикурить сигару.

— Да, господин Ифиторель! — От чрезмерного усердия голос запечного звучал тоненько и вибрировал, как у деревянной игрушки-свистульки.

— Чего дрожишь, нечисть?

— Так... холодно же, — тоскливо признался Имоха, зябко кутаясь в солому. — Осень...

— Подбавь огоньку, ты же хранитель очага! — издевательски хихикнул демон, выпуская меж зубов струйку дыма. — Да ладно, ладно, не надувайся, я пошутил. Тебе поручение: следить за входом в нору, чтобы чужие не ходили. А то взяли моду — шляются и шляются! Не дом, а воровская малина... Я там сделал кое-что на нижнем ярусе, теперь надо выждать. И смотри у меня, прозеваешь хоть муху — выброшу последний кирпич!

Имоха судорожно сглотнул комок страха.

Угроза была не пустяшной. Как запечный, Имоха мог жить в доме лишь до тех пор, пока в нем оставалась печь или хотя бы ее остатки. От широкой двойной печи — бывшего владения Имохи — остался только жалкий обломок, над которым запечный трясся как над самым дорогим сокровищем, бережно укрывая от осадков и ежедневно перепрятывая.

Проводив важного гостя до двери (точнее, до дверного проема), запечный подобострастно поклонился и, едва дождавшись его ухода, бросился к кустам. Суетливо причитая «как же это все не вовремя» и «вот так понадежней будет», он притащил к засыпанной норе остатки подпаленного матраса, тщательно заткнул щели и сам устроился рядышком, намереваясь умереть, но выполнить поручение.

Сидеть вот так, неподвижно, бездеятельно, было скучно. Кроме скуки Имоху заедало любопытство: его изогнутый хоботок крутился во все стороны, пытаясь учуять следы деятельности демона, скрытые глубоко под землей, в нижнем городе. Однако кроме едва слышных шорохов, он не распознал ничего.

Вспомнив о том, что нора ведет в пещерную полость, где полно летучих мышей, Имоха окончательно разочаровался и, прикрыв черными от старой сажи веками подслеповатые глазки, задремал.

Тор

Центральная площадь Старого города

С привычно благостным выражением на круглощеком лице брат Нилс стоял посреди площади и легонько потряхивал ящиком с изображением Святого лика и прорезью для монет. На вид классический простак деревенского разлива — спокойный, солидный, среднего роста; не красавец, но симпатичный, без особых примет. Словом, вполне обычен.

На первый взгляд.

Второй, более внимательный взгляд обнаруживал едва намечающийся пивной животик, ритмично и не по-монашески бодро приптотывающую ногу и самое главное — глаза. Под верхним слоем безмятежной честности отчетливо читалась природная смекаливость, щедро сдобренная хитростью, крестьянской расчетливостью и долей ехидства. Не бывает у монахов таких глаз. По крайней мере, не должно быть.

Действительно, волонтером Нилс стал не по сознательному душевному порыву, а... скажем так, в силу обстоятельств. Причем так стремительно, что свидетели этого доброго поступка и опомниться не успели. Казалось бы, помощник пивоторговца только что хлопотал в подсобке — и вот он уже несетя по улице, отдуваясь и сверкая пятками, на бегу впрыгивает в кривую повозку под бок троице ключющих носами монахов, подхлестывает мокрым фартуком меланхоличную лошадку, и вся эта компания галопом скрывается в туманной дали.

Хозяин пивнушки долго бежал следом, но не догнал, плюнул с досады на дорогу и вернулся в брошенное на произвол судьбы заведение. Объяснять публике, что произошла нечаянная ошибка: «Корона Крабса» вовсе не варится по старинному эльфийскому рецепту и не меняет цвет в зависимости от погоды.

От радости, что остался цел после своих рискованных экспериментов с пивом, Нилс напился, не сходя с повозки, найденным тут же (вот это сюрприз, спасибо тебе, Господи) кагором.

Склонить на что-то пьяного человека очень легко. На все вопросы он отвечает «угу», а хочет на самом деле лишь одного — чтобы его перестали теребить и оставили в покое. Нилс не помнил, как подписал желтый бланк годового договора с церковным приютом.

Зато помнил, как, очухавшись на середине пути, впал в отчаяние

и предпринял несколько попыток спрыгнуть на ходу с повозки в пропасть, но каждый раз изумленные такой горячностью монахи ловили его за щиколотки и водружали обратно.

Действительно, что теперь поделаешь? Подписался так подписался...

Начав жизнь с чистого листа, Нилс на удивление легко влился в новый коллектив, старательно избегая разговоров о прежнем, грешном мирском существовании. И хотя его умение разбавить пиво до той неуловимой волшебной концентрации, когда вкус практически не страдает, а прибыль уже ощутима, являлось своего рода великим талантом, все же это было не совсем то, чем принято хвастаться в приличном обществе. Особенно монашеском.

Итак, сбылись мрачные пожелания хозяина пивнушки, брошенные вслед уезжающей повозке: его хитренький помощник жил теперь в самом настоящем дурдоме и побирался посреди площади Христа ради.

Правда, просил не для себя — в этом пивоторговец ошибся. Но зато как просил!

В данный момент, позевывая в рукав, Нилс строго оглядывал прохожих.

Не желающих жертвовать святой брат подмечал издали: они старались огибать пяточок, на котором он расположился со своим ящиком, и с деловым видом торопились свернуть на соседнюю улицу. Те, кто не успел заметить монаха вовремя, растерянно улыбались и расставались с монеткой — не дать брату Нилсу пожертвование, глядя в его честные голубые глаза с отчетливой хитринкой на дне, было практически невозможно.

Периодически в этих честных глазах проскальзывало даже такое странное выражение, что у прохожего возникала убежденность: если не пожертвовать добровольно, *этот* монах отнимет деньги силой.

Для приюта святого Паллы бывший помощник пивовара оказался просто находкой.

Богоугодное заведение, приютившее в своих стенах скорбных умом, открылось всего три года назад. Один из мелкопоместных Торских баронов воздвиг его в честь чудесного излечения от старческого слабоумия собственной тетки. Ни лекарства, ни прописанные докторами жестокие процедуры натирания позвоночника перцем с последующим обливанием ледяной водой не помогли — зато помогли молитвы святому Палле.

Обретение здоровья любимой тетей было тем более кстати, что перед тем, как впасть в маразм, она успела составить весьма затейливое завещание, ударившее барона-племянника в самое сердце.

Согласно последней воле тетушки, все ее имущество распределялось поровну между «сырыми и убогими города Тора», после чего барон, любивший кутнуть, остался бы сам гол и бос.

Всего за полгода молитв и поста святой Палла навел порядок в мозгах старушки, а воодушевленный барон проделал то же самое с завещанием, убедив тетку позаботиться о любимом племяннике и обещая отгрохать после ее смерти приют, в котором несчастные, блуждающие в потемках умы смогут обрести свет исцеления.

Барон выполнил обещание. На окраине Нового града возвели крепкое каменное здание, но вот на содержание его средств уже не осталось, и больные страдалцы вынуждены были в перерывах между молитвами пасти коз и работать на винограднике. К удивлению проверяющих, последнее занятие весьма благотворно сказалось на умственном состоянии пациентов и их настроении. Особенно сбор урожая и разлив готового вина по бутылкам. А уж с появлением брата Нилса дела и вовсе пошли неплохо. После ежедневного сбора средств монах приходил довольный, со значительной суммой, и часто даже отказывался от обеда (по его словам, некоторые жертвовали хлеб, который он позволял себе съесть на месте).

Так как Тор был городом не простым, а портовым, к тому же близким к границе, то и обитатели приюта были разношерстными. Разорившиеся крестьяне, отбившиеся от своих наемники, должники, неспособные рассчитаться с кредиторами, беглые воришки — все они не доставляли особых хлопот. Для многих главным было даже не исцеление, а кусок хлеба и крыша над головой. Хуже обстояли дела с иностранными пассажирами, спешно снятыми с кораблей вместе со скарбом. На кого только не насмотрелись монахи за три года!

Взять хотя бы иноземных дикарей, пытающихся контрабандой проникнуть на тучные земли Большой Веллии, спрятавшись меж тюков с шерстью, и не выдерживающих голода и жажды. Бывало, за лето привозили двоих, а то и троих. Прежде чем приступить к молитвам, их перво-наперво приходилось учить самым элементарным правилам гигиены: как есть ложкой, как омыывать лицо, как отправлять естественные надобности. И это еще не самый плохой случай. Брат Нилс до сих пор не мог забыть одного особо упорного узкоглазого пациента, снятого с «Владычицы морей», который категорически отказывался пользоваться ночной вазой, требуя предоставить ему некий «ватерклозет».

Темные люди, чего с них возьмешь.

Мимо Нилса торопливо прошла молоденькая панночка в веселом розовом платье и накидке с оборками, явно надеясь проскочить задарма.

— Гм-гм! Пода-а-айте сырм и умом убогим! — гаркнул брат, преграждая девушке дорогу своим ящиком и провожая кислым кивком брошенную монетку. Сентаво? Не густо.

— Не скупись, сестра! — Ударив в спину спасающуюся почти что бегством панночку, голос монаха раскатисто полетел над площадью: — Не ровен час, и ты в наших стенах окажешься! Как говорят: от тюрьмы, сумы и умственных скорбей не зарекайся!

Скрипнув зубами и покраснев, панночка вернулась и начала растерянно рыться в шелковом вышитом ридикиоле. Брат Нилс про себя хмыкнул: разоделась как на бал, а в сумочке небось ветер гуляет. Хотя нет, выкопала пятисентавник, уже лучше.

— Спасибо, сестра! Да минет тебя горькая чаша слабоумия!

Недобро зыркнув на монаха, красотка поспешила удалиться. Нилс улыбнулся и тряхнул ящиком, прислушиваясь к приятному звону монет. Отросшая русая челка взметнулась вверх и резко хлестнула монаха по виску, прикрыв цир-тонуру — поднялся ветер.

Цир-тонура — узкая выбритая полоска от лба до затылка — за лето успела загореть до коричневого цвета. В последний день осени поперек первой бритой полосы появится вторая — знак повышения и признания заслуг. Волонтер станет перед выбором: уйти в монахи до конца дней либо получить от города символическую награду за безупречный труд, вполне реальную бесплатную лошадь в пожизненное пользование и вернуться домой, что называется, «на коне».

Собирать пожертвования брат Нилс умел, но не слишком любил. Приют был идеальным местом, чтобы переждать плохие времена, но представить себе счастливую жизнь внутри его стен было сложно. Хотелось иметь право задрать в трактире ноги на стол и шлепнуть по заду подавальщицу. Выйти в летнюю жару не в тяжелой рясе, а в тонкой рубашке. Напиться в гостях свежесваренной сливовицы до красных крокодилов и быть выкинутым за порог. Упасть в кусты и спеть во все горло. Одним словом, хотелось прежней свободы.

И к этой свободе Нилс был уже полностью готов.

Дорожная сумка с подбитым кожей дном, висящая на крючке в его скромной келье, содержала все необходимое для суточного путешествия от Тора до родных Верхних Кожемяк. Она ждала того счастливого момента, когда хозяин забросит ее на плечо и в последний раз оглянется на приютское здание.

За год ежедневного стояния на площади Нилс отточил мастерство, регулярно снабжая деньгами приют и не забывая себя. Все жертвования мельче десятинки паунда беспрепятственно ныряли в прорезь ящичка под аккомпанемент звона и благодарственной молитвы, скороговоркой проговариваемой братом, умудряющимся одновременно ловить монеты и благословлять щедрого дарителя. Сто-

ило же прохожему раздобраться на денежку достоинством больше, как сложенные щепотью пальцы брата Нилса ловко перехватывали дар на полпути к щели и незаметно отправляли в рукав. Ящик вздергивался, деньги звенели, а молитва звучала до тех пор, пока красный от похвалы жертвователю не исчезал за поворотом.

«Хлебушек», которым, по мнению обитателей приюта, заменял свой обед благородный монах, обычно состоял из доброй порции горячего мясного с заграничным ромом, местной сливовицей или «Торским светлым» (упаси боже, не «Короной Крабса»!). Все зависело от того, в какой трактир нес брат Нилс улов из своего рукава.

Если же щедрость горожан вдруг (что бывало очень редко) превосходила аппетит монаха, то разница откладывалась в хитро устроенный тайничок за ликом святого Паллы.

Сегодняшний день оказался урожайным.

Монах довольно взвесил потяжелевший ящик в руках, пристроил его под мышкой и неспешно двинулся к «Обжорке», но на половине пути остановился: со стороны Торговых рядов по воздуху поплыл истошный, тревожный звон приютского колокола, неприятно режущий слух.

Из-под полотняного навеса выскочил Рапал, точильщик оружия.

— Опять? Нет, сколько можно, а?! И кто изволил почить на этот раз?

Нилс, не удержавшись, хмыкнул.

Траур по скончавшемуся его сиятельству графу Венге Коварному закончился только вчера. Рапал, как не слишком умелый точильщик, но зато известный азартный игрок, пережил четыре траурных дня с трудом. Не столько из-за скорби, сколько от досады, что ежегодный осенний турнир по тридиглу пришлось спешно переносить.

Ситуация тогда получилась нелепая до комичности. Игроки обеих команд уже скакали навстречу друг другу с винтами наперевес, стремясь поддеть острием «голову гнома» (кожаный мяч своеобразной формы с приделанной «шапочкой»), когда вестник выскочил прямо на поле и помчался, уворачиваясь от лошадиных копыт, с криками: «Срочная новость! Не убивайте, я свой!»

Далее было уже не так смешно. После объявления горестного известия началась давка. Кто поспешил домой, кто рванул к букмекеру. Говорят, владелец соседнего трактира «Акулий плавник» сильно сокрушался, что матч не состоялся. Обычно разгоряченные тридиглом болельщики после турнира выпивали в два раза больше обычного, а битое стекло, оплаченное с коэффициентом «три», приходилось выносить ведрами. Впрочем, трактирщик утешился довольно скоро. Разочарованные зрители выпили чуть меньше, зато набили...

Оскорбленно взыв, Рапал вновь запустил точильный круг и су-

нул на него саблю с такой силой, что разом проточил в тонкой кромке заметную впадину.

— Уй! И что теперь? Вот же!..

— Да успокойся ты. — Нилс поудобней перехватил свой ящик. — В городе никаких происшествий. Это не на Главном соборе звонят, а у нас.

— В приюте для больных мозгами? — Рапал так изумился, что чуть не подставил под круг собственные пальцы. — А у вас-то что могло стрястись?

— Сам понять не могу, — совершенно искренне сказал Нилс. — Но раз звонят, надо возвращаться. Эй! Ты поаккуратней с саблей!

— Поздно, — трагически подвел итог Рапал, рассматривая следующую впадину. — Слушай, а может, всю кромку волнообразно обточить? Вроде так и задумано, а?

— Точно! И сказать, что это новая нурландская заточка.

— И взять чуть дешевле! — просиял Рапал. — Чтоб заказчик не ругался.

— Наоборот. Чуть дороже, а то не оценит, — поправил Нилс.

— Голова! — обрадовался точильщик. — Жаль, что через пару дней тебя уже здесь не будет. Что я стану делать, когда ты уедешь?..

— То же самое, — вздохнул Нилс. — Точить чужое оружие. Кстати! Ты присмотрел что-нибудь для меня в дорогу?

— Вот. — Рапал, мотнул головой в сторону ободранного деревянного ларя, притулившегося под навесом у стены. — Погляди там. Отличная сабелька — легкая, фунта на четыре, без именной гравировки. В случае необходимости разрубит шлем и не сломается. Да ты не стесняйся, доставай, испробуй!

— Твоя? — Нилс примерился, крепко обнял ладонью рукоять и крутанул саблей в воздухе, рисуя горизонтальную восьмерку. Неожиданно ожившее лезвие не остановилось на второй петле и упруго продолжило траекторию самостоятельно, чудом не отхватив точильщику макушку. Отрезанная прядка Рапаловых волос задумчиво взлетела над навесом, подхваченная ветерком. Проводив ее глазами, точильщик невозмутимо перевел взгляд на Нилса и протянул руку:

— Отдай.

— Прости, я не нарочно, — смутился монах, спеша вернуть свою саблю хозяину. — Может, мне вообще не брать с собой оружия?

— Шутишь? — изумился Рапал. — Допустим, в наших краях на тебя никто не кинется. А дальше? Ты же мимо прииска поедешь! Как от полосы пограничной отделишься, так и готовься к сюрпризам! Там же полно в кустах охотников до чужих денег, говорят,

целые семейства с нечистого промысла кормятся! Благо с прииска пустым никто и никогда не возвращается...

— Понятно, — вздохнул Нилс. — Я буду первым, кто поедет от прииска практически нищим. Своих сбережений пес наплакал, казенное вознаграждение и вовсе за деньги считать смешно. Что останется бедному монаху, чтобы разбойники не трогали? Придется навесить на зад моей старой кобылы табличку: «пустой»...

— Откуда ты знаешь, что тебе дадут именно кобылу, и именно старую? — заинтересовался точильщик. — Уже пообещали?

— А что еще могут дать бесплатно и к тому же пожизненно? — хмыкнул Нилс. — Восточного скакуна благородных кровей? Конечно, кобылу. Старую, больную местную уроженку. Хорошо, если не хромую и не слепую к тому же. Ладно, пойду. Спасибо за сабельку, но сам видишь...

— погоди! Вот, — аккуратно вернув опасное оружие в потрепанные меховые ножны, Рапал бережно убрал их на дно ларя, взамен достав что-то длинное и объемное, завернутое в тряпицу. — Держи, от собственного сердца отрываю. Думаю, это то, что тебе надо.

Нилс с преувеличенной осторожностью размотал обвязку.

— Дубина?

— Палица! — гордо поправил Рапал. — Оружие настоящих мужиков, без глупостей. Мужик в своей жизни что должен сделать? Правильно. Посадить дерево, вколотить ему в ствол осколки гранита, а когда подрастет, вырезать из него палицу и оковать наплыв железом. Пользуйся на здоровье. Два паунда.

— Думаешь? — засомневался Нилс.

— А что тут думать? Легкая — подвесил на пояс и забыл, центр тяжести по оси, не надо следить за ориентацией, тем более что ты и не сможешь. Самое то неопытному вояке для дороги.

Нилс взвесил в руках дубинку, ковырнул ногтем наковыш.

— Ладно, поверю профессионалу. Деньги завтра, идет?

— Я не спешу, — согласился Рапал, забирая палицу обратно. — А ты сам сейчас куда? В «Обжорку»?

— В приют, — вздохнул Нилс, внутренне разрываясь между грешным намерением быстренько заскочить в трактир и чувством долга. Может, все-таки...

В знак протеста колокол зазвонил снова, еще громче прежнего. Монах кинул в сторону «Обжорки» прощальный взгляд и, кивнув воодушевленному Рапалу, решительно вернувшись к работе над «новой нурландской заточкой», заспешил вверх по улице.

Видашь, в приюте на самом деле случилось что-то серьезное.

Горы

Старая дорога от прииска на Тор

Копыто соскользнуло с тропы на повороте. Каменная крошка попала вниз, и всадник, тихо охнув, с трудом удержал равновесие, инстинктивно прижавшись к теплой лошадиной спине.

— Уф...

Серая коротконогая кобылка виновато опустила голову, но наказания не последовало. Голубоглазый наездник просто шумно выдохнул, перекрестил живот и, оглянувшись на следующих сзади приятелей, с извиняющим смешком сообщил:

— Переходим на шаг. Два года уже не ходил этой дорогой, отвык.

Уставшие лошади охотно подчинились команде, и троица путников, одетых в стандартные костюмы старателей (дешевые кожаные куртки с дюжиной накладных карманов, широкие штаны и башмаки на толстой рельефной подошве), чинно двинулась дальше, малодушно отводя глаза от поросли дикой ежевики, чудом державшейся за камни узловатыми корнями. Сразу за ежевикой дорога резко обрывалась бездонной пропастью.

Несмотря на одинаковую одежду, перепутать наездников даже со спины было сложно.

Вольдар Ужка, глава маленького отряда, был гибок, высок и носил черные вьющиеся волосы до лопаток, туго стягивая их на затылке шнурком, как поступает большинство жителей гор. Из-за чрезмерно широких скул и выступающего подбородка его лицо нельзя было назвать эталоном красоты, однако в гордой посадке головы и блеске глаз чувствовался тот неуловимый шарм, который безотказно действует на женские сердца и которого безуспешно пытаются добиться подражатели-неудачники. Даже потертые старательские штаны (бычья кожа грубого дубления, длина до щиколоток, двойные укрепленные колени) не топорщились на нем колом, как на товарищах, а сидели почти элегантно.

Макарий, коренастый крепыш с крестьянским разворотом плеч, глубоко посаженными серыми глазами почти без ресниц и румянцем во всю щеку, выглядел намного проще Вольдара, но зато старше и солидней. Его уверенность передавалась даже лошади: гнедая кобылка под Макарием ни разу за время пути не шарахнулась в сторону, а шла ровно, спокойно и меланхолично, словно пахала невидимую борозду.

Что же касается третьего спутника, замыкающего процессию, то он был самым молодым из всей компании и при этом самым образованным. Два курса Университета от звонка до звонка, если верить полоске телячьей кожи с гербовой печатью, которая хранилась в на-

грудном кармане паренька, бережно укутанная от влаги в три слоя промасленного пергамента.

От матери студенту достались серые глаза с лукавыми золотыми искорками, красиво очерченные губы и ямочки на щеках, а от отца ладная фигура, непомерное упрямство и гордое имя Квайлиссиарий Гелий Тресс (немедленно сокращаемое приятелями до панибратского Квайл). Способность влюбляться с первого взгляда и так же быстро остывать ни один из родителей за свою не признавал, поэтому будем считать, что чрезмерная влюбчивость была личной особенностью сына Трессов.

К сожалению, ни одна из пассий Квайла до сих пор не ответила ему взаимностью по причине рокового несовпадения вкусов. Образно говоря, Квайл тянулся к прекрасному и высокому, а ему пока предлагало себя только коротенькое и страшенькое. И хотя время от времени на университетских праздниках рослые красотки заглядывались на миловидного паренька, их интерес длился до тех пор, пока он не вставал из-за стола — Квайл был до обидного мал ростом.

Постоянно получая от красавиц от ворот поворот, студент приобрел привычку прятать смущение под показной бравадой и шутками. Продолжая свято верить в лучшее будущее, он тешил свое самолюбие тем, что заказывал обувь с максимально высокими каблуками и усердно грыз гранит науки. Ничто не добавляет мужчине шарма так, как стабильный доход и прочное положение в обществе.

Как большинство коротышек мира, Квайл был бы обречен носить кличку «малыш» или, хуже того, «гном», если бы не волосы. Огненно-яркие пряди смешивались с более светлыми, выгоревшими на солнце до золотой желтизны, и мягко спадали на плечи. Густая шевелюра столь специфической расцветки не оставляла знакомым выбора — рыжина Квайла превосходила его же малорослость в разы, являясь проклятием и визитной карточкой одновременно.

Троица держала путь от самой границы с Халлией, где располагался планкитовый прииск, в родную деревню Вольдара и успела уже порядком притомиться. Да и взятые на прииске лошади выглядели не лучшим образом: они честно отработали монеты, заплаченные за прокат, и уже часа три, как трудились сверхурочно.

Где-то там внизу и слева, в долине между горами и морем лошадей ждали теплые стойла городского прокатного пункта, в который их надлежало вернуть, чтобы забрать залог. Но сначала предстояло дойти до деревни, заночевать и подкрепить силы горячей едой. Во всяком случае, Вольдар клялся, что тетка примет всех троих как родных, в качестве доказательства тряся зачитанным до дыр на сги-

бах письмом. Несмотря на недельное пребывание письма в кармане старательской куртки Вольдара, от бумаги еще пахло душистым сеном, и именно это послужило для Макария основным аргументом за увольнение с прииска — крестьянскому сыну надоело мочить подошвы в горных ручьях и захотелось ступить на крепкую, надежную, привычную горизонтальную землю.

Квайл присоединился к друзьям в самый последний момент и так настойчиво, что ему не смогли отказать.

По мере продвижения отряда вперед ясное голубое небо постепенно мутнело. Мягкие хлопья тумана плавно спускались на горы, уютно устраиваясь в ложбинках и цепляясь за еловые лапы. Выщербленные края каменной дороги норовили подвернуться под ноги, и лошади то и дело сбивались с шага.

— Итить твою! Какой дурак додумался прокладывать дорогу прямо по горам? — не выдержав, буркнул себе под нос Макарий. — Не иначе, новомодные умники расстарались...

— Напротив, старые. Ей уже лет пятьсот, — усмехнулся Ужка. — Маги наши строили. Видишь опорные колонны? Каждая держится кроме бетонного раствора на трех заклинаниях — и ведь стоят! Даже землетрясение пережили!

— Тогда чего прямо не проложили? — удивился Макарий. — То влево, то вправо тропу заносит! Тоже мне, строители!

— Раньше по обе стороны стояли Башни Силы, — объяснил Вольдар. — Через каждые три версты. Высоченные, до неба, и глубоко в твердь вкопанные. Из-за них дорогу и построили, здесь у нас места особые. Кто разбирается, говорят, прежде Силу прямо хоть ложкой черпать можно было. И из земли, и с воздуха. Три первомага из двенадцати, вошедших в летописи, родом из Каперии, и это не случайность.

— И где они сейчас, эти башни? — не удержался Квайл.

— Порушили, — стыдливо признался Вольдар. — Одна только и осталась. И та развалина.

— Вот тебе и заклинания! — съязвил Макарий. — Лом и кирка все же надежнее, согласитесь.

— Жаль, — огорчился студент.

— Чего там жалеть! — презрительно откликнулся Макарий. — Магия дело темное. Я бы и ту развалину с землей сровнял. На всякий случай.

— Варвар! — осудил Квайл. — Это же памятник прошлого!

— По мне лучше бы нормальную тропу проложили. Чуть пониже!

— Есть и пониже! — отозвался Ужка. — Справа, у самого подножия новая дорога. Только на ней другая опасность подстерегает. Там ведь вдоль горы под землей край брошенного гномьего горо-

да — сплошные пустоты. Как прииск открыли, лесные люди насобачились в них прятаться и денежных путников грабить. Сейчас по новой дороге в основном охотники ходят. Опасно там, особенно ночью.

— А мы успеем до темноты? — озабоченно подал голос сзади Квайл.

— Не паникуй, студент, — осадил его Вольдар, — тут уже рукой подать. Пара-тройка верст, не больше... вот черт! Тпрру!

Спустя минуту друзья мрачно стояли бок о бок и глядели на речку, весело шумящую внизу, и вольготно раскинувшееся вдалеке море. Судя по всему, несколько часов назад с горы сошел оползень, и сейчас узкая дорога была завалена камнями.

— Как же так? — с нарастающим раздражением в голосе спросил Макарий. — Куда нам теперь? Назад поворачивать?

— Еще чего! — возмутился Квайл. — Почти добрались, вон она деревня, внизу!

— Ага. Она внизу, а мы здесь. Прикажешь прыгать?

— Бросить лошадей и перелезть? — не слишком уверенно предложил Ужка.

— Ни за что! — вскинулся Квайл, поворачиваясь к невысокой серой кобылке и звонко чмокая ее в белое пятнышко на лбу.

— И правда, задатка жалко, — вздохнул Ужка. — Да и лошадей тоже...

— Ух ты, моя умница! — похлопал свою кобылку по крупу Квайл. — Не дрожи, не брошу! Скажите, а что если попробовать разобрать завал?

Ужка выразительно показал вверх: скалу подпирала целая пирамида из обломков камней. Тронь один, и вся неустойчивая конструкция завалится.

— О черт! — студент с досадой сжал кулаки.

— Не хнычь. — Ужка встал с земли, отряхнул штаны и подошел к склону вплотную, разглядывая обнажившиеся после камнепада охристые проплешины, проглядывающие сквозь жухлую траву. Отколунав подходящий кусок, он присел на корточки и принялся чертить прямо на большом валуне.

— Смотрите сюда. Согласно плану, мы должны были проехать еще пять поворотов, дойти до берега Этрюны, спуститься вдоль реки и уже внизу перейти по мосту на другую сторону, правильно?

Члены маленького отряда дружно кивнули.

— Не дошли мы всего ничего. Поворачивать обратно к началу дороги смысла не вижу, но разбирать завал страшновато — а ну как камнями засыплет? Проще вернуться назад к развилке. Помните, мы в том месте привал устраивали? Около пещеры.

— Ты хочешь пойти по новой дороге? — догадался Макарий. — Сам только что говорил — там опасно, особенно ночью.

— Во-первых, еще не ночь, — спокойно возразил Ужка. — Во-вторых, я не собираюсь идти по новой дороге. Чуть выше развилки идет охотничья тропа. Достаточно, если мы просто обойдем по лесу участок завала и спустимся снова уже за камнями. Склон там не слишком крутой, ступенчатый, лошади должны справиться.

— А если заблудимся? — По лицу Макария было件нятно, что он скорее просидит здесь в ожидании чуда, чем согласится рискнуть.

— Кажется, кто-то недавно хвастался, что практичный человек нигде не пропадет? — насмешливо прищурился Ужка.

— Практичный человек не потащится в лес на ночь глядя! — не сдавался Макарий.

— Пошли. Чего зря сидеть, — решительно поднялся Квайл. — Ужка прав, вернуться мы всегда успеем.

Все еще колеблющийся крестьянин недовольно фыркнул, но подчинился решению большинства и первым забрался на лошадь, потихоньку ворча под нос. Квайл, подхватив повод, спешно потопал к широкому валуну. Со второй попытки ему удалось ловко взобраться в седло, и маленький отряд тронулся в обратном направлении.

Вход на охотничью тропу бывшие старатели приметили издали — два внушительных обломка скалы представляли собой символические ворота. За сотни лет ветер и вода освободили камни от податливых вкраплений, проев в их телах множество ямок, которые тут же облюбовали мох и сорняки, покрыв поверхность валунов беспорядочными цветными пятнами.

Различить саму тропу в синеватом тумане было сложнее, так как она петляла между деревьями. Сухие сосновые иглы устлали землю толстым пружинящим ковром, скрывая острые обломки сланцевой щебенки и впадины. Пожалев лошадей, копыта которой неуверенно ступали по скользким иглам, Вольдар спешился. Следом за ним и остальные пошли пешком, стараясь идти след в след, чтобы ненароком не угодить ногой в кротовую нору.

Тем временем на лес плавно опускались сумерки. Слабый ветерок холодными пальцами касался щек и шелестел ломкими, сонными ветками. В просветах между деревьями стало видно еще прозрачную, но постепенно набирающую цвет луну.

— Все-таки дотянули до темноты, — проворчал Вольдар, щелкая зажигалом и запаливая короткий дорожный факел. — Держитесь теперь вплотную.

Не сговариваясь, путники стянулись в такую плотную цепь, что хвост идущей впереди кобылы Макария почти уперся в лоб Квайла,

щекоча его на каждом шаге. Не решаясь пожаловаться, студент терпеливо сдувал конские волосы с лица, пока не услышал на очередном повороте посторонний шум.

Хруст раздавленных сосновых шишек показывал, что поблизости ходит достаточно большое и, вероятно, опасное животное, но друзья ничего не заметили, и Квайл промолчал, тихо маясь от подступающего страха. Перспектива прослыть трусом казалась для него гораздо менее приемлемой, чем быть заживо съеденным.

По мере продвижения путников вперед лес становился все более плотным и все менее уютным. Ветви деревьев уже не свисали расслабленными плетями, а напряженно топорщились в стороны, как сжатые кулаки, готовые отбиваться от неведомой опасности. Подлесок исчез. Под ногами все чаще лопались дождевики, выстреливая облаками вонючей до щекотки в горле пыли — «бирючьего табака».

— Э-э... Ужка! А ты уверен, что это *та самая* дорога? — осмелился подать голос Макарий.

— Не забудь, я прожил в здешних краях первые двадцать лет своей жизни, — с преувеличенным задором ответил Вольдар. — Я тут каждую птицу по хлопанью крыльев узнаю. Видите впереди лысое место меж сосен? Это и есть Бирючья Плешь. Странно... Дерево какое-то, бумажками обвешанное... Раньше его не было! За выступом скалы должны быть каменные ступени. Точно — вот они! Мы на правильном пути!

Из-за кучи поваленных сухих стволов донесся неясный шорох.

— Интересно, это кто? — насторожился Макарий.

— Барсук-вечерник. Наверное, грибы нашел, он их любит.

— Ух! — обрадовался Макарий. — Я их тоже люблю. Погодите минутку, не спускайтесь, я сейчас.

Вручив повод своей лошади Квайлу и отобрав у Вольдара факел, крепыш шустро бросился в сторону и нырнул головой вниз. В лунном свете над лежащим стволом обрисовалась внушительная филиейная часть, которая плавно двинулась вдоль завала.

— Грибница! Один к одному, красавцы!

— Крестьянин до мозга костей, одно слово, — со смешком прокомментировал Ужка. — Все бы ему урожаем собирать.

— Ох ты! Иэ... эх... — донеслось из-за бревен.

— Что такое?

— Итить твою... Просыпал!

— Дырявые руки, — нервно хихикнул студент, напряженно прислушиваясь. Ему упорно мерещилось, что сзади кто-то идет.

— Бросай, — махнул рукой Вольдар.

— Так уже... — вздохнул Макарий. — Зато смотрите, что я нашел!

Крепыш с хрустом потянулся, разминая затекшую спину, и, подняв кверху факел, гордо продемонстрировал свой трофей.

— Просто шапка, — пожал плечами Квайл.

— Не просто шапка, — со смешком поправил Вольдар. — А старая овечья ушанка, поношенная до такой степени, что на нее даже нищий не позарится. Выкинь.

— Еще чего! — оскорбился Макарий. — Добром разбрасываться. Примерь, Рыжий.

Следующие события наглядно продемонстрировали, что крупная и сильная мужская особь даже с дырявыми руками всегда сможет скрутить в бараний рог особь более мелкую и более слабую. Как ни отбивался студент, как ни орал, Макарий натянул ему на лоб потрепанную шапчонку, любовно завязав узлом свисающие хвосты. Озверелый Квайл в порыве праведного гнева сумел вскочить на свою лошадь, даже не прибегая к помощи импровизированной подставки для ног в виде пенька и тут...

Сначала появились голоса — приглушенные, шелестящие в темноте звуки заполнили лес вокруг друзей мгновенно и до краев, как водопадная струя наполняет подставленную ладонь. «Х-ш...», «Ф-ш...» летало от дерева к дереву, отскакивало от рыжих сухих иголок прямо в настороженные уши испуганных лошадей.

Потом на короткий миг в лунном свете возникли они. Три смутных силуэта мелькнули между деревьями и тут же застыли, слились с пейзажем, став неотличимыми от изогнутых в результате многолетней борьбы за солнечный свет сосновых стволов.

Не дожидаясь команды, лошади буквально вжались в скалистый выступ на склоне.

— Ложись! — коротко скомандовал Вольдар, гася факел о камень и падая на узловатые корни. Рядом, взбив целый фонтан шишек, тяжело плюхнулся Макарий.

— Рыжий! Тревога, рядом дикие звери!

Но студент ничего не видел и не слышал.

Прижавшись к лошадиной шее, он яростно бился со злополучной шапкой, закрывающей ему уши, нос, глаза и брови. Зацепившись ветхой подкладкой за крючки ворота старательской куртки, проклятая шапчонка сидела как влитая в буквальном смысле этого слова и не собиралась сдавать позиции.

— У-у... Р-р-р... Оу! — Рот Квайла был совершенно свободен от пут, но извергал не конкретные слова, а нечленораздельное рычание и вой.

— Рыжи-и-ий! Тревога!

Затрещали ломающиеся ветки.

— Есть! — разнеслось по лесу. — Вот он, перевертыш, мохнатая башка! У, нечисть, прости господи... Бери щенка, Арип!

— Э! Да у него ноги еще совсем человечьи!

— Пали! Эта зверюга уже лошадь дерет!

Дальнейшее показалось Вольдару страшным сном.

Веселые огоньки побежали по фитилям, поджигая выстроенные дугой факелы. В их свете на некотором расстоянии вырисовался не звериный, а вполне человеческий кривой силуэт с облегченным походным арбалетом. Твердая рука натянула тетиву, и короткая стрела с ярким оперением приготовилась начать свой путь, метя пониже спины застывшего в нелепой позе разъяренного Квайла.

Так и не дождавшись от приятеля никакой реакции, Вольдар буквально взлетел над корнями с криком:

— Рыжий! Пригнись, идиот! Эй! Стоп! Не стреляйте!

Рядом, бестолково мыча и растопыривая руки, заметался Макарий.

Предостережение запоздало.

Острый наконечник приблизился к смешно откляченному заду коротышки-старателя, коснулся его и...

Из кустов, шумно хлопая крыльями, вылетела птица, на миг загородив Ужке обзор.

Этого короткого промежутка времени было достаточно, чтобы он не увидел, как стрела, неожиданно резко развернувшись на сто восемьдесят градусов, полетела в обратном направлении.

Добравшись до арбалетчика, стрела повела себя еще более странно. Вместо того чтобы просто воткнуться в тело, она начала кружиться вокруг него на манер раздраженной пчелы, пока не улучила момент и не нашла пристанище в круглой ягодице, обтянутой узкими штанами.

К столь крутому повороту (во всех смыслах этого слова) стрелявший был не готов. Заполучив иголку, он взвизгнул и принялся выплевывать из себя бранные слова, а потом зашатался и, подавившись очередной порцией ругани, привалился к стволу и плавно сполз вниз, бессильно раскинув руки в стороны.

Где-то внизу глухо загрохотало.

— Арип? Арип, что с тобой?

Двое оставшихся целыми и невредимыми охотников бежали к поверженному приятелю. Вырванный из земли факел фыркнул в стороны букетом искр.

— Аккуратней, лес не подпали. Черт, да он себя поранил! Подержи, Вит, я вытащу иголку... Вот незадача, по самое оперение! Теперь часа три дрыхнуть будет...

— Как же он сумел — сам себя?

— Не иначе, лешаки посмеялись. Слышал крики?

— А где зверь? — опомнился невидимый за толстым сосновым стволом Вит.

Зверя не было.

Решив не разбираться, случайно или нарочно вооруженные незнакомцы пытались подстрелить человека, опомнившийся Вольдар за шиворот сдернул с лошади все еще борющегося с шапкой Рыжего, и маленький отряд почти скатился со старой тропы, обдирая в полутьме бока об каменные ступени и силой таща на поводу лошадей.

Факел рискнули зажечь уже внизу.

— Вот она — наша родная старая магическая дорога! — почти прослезился Макарий, обнимая лошадь. — Итить твою, мы обошли завал! Матьер божья, до чего я испугался там, в лесу! До сих пор не верю — неужели живы? И идти осталось всего две версты?

— Надеюсь, — осторожно обронил Вольдар, снимая с головы студента шапку. Облегченно вздохнув, Квайл с наслаждением вышвырнул меховой капкан в пропасть.

— Ну и народ у вас, Ужка, — шумно выдохнул крепыш. — Бродят в лесу по ночам и, не разбираясь, палят из арбалета. А ты говорил — гостеприимные люди, в каждом доме путнику чарку нальют.

— Так на самом деле гостеприимные, — несколько смущенно подтвердил Вольдар.

— Ну да, — недоверчиво хмыкнул Макарий. — Ты еще скажи, что в Рыжего стреляли оттого, что он в гости идти не хотел.

— Да что стряслось? — неподдельное недоумение Квайла вызвало взрыв нервного смеха.

— Ладно, разговоры потом. Ночью в горах опасно, — опомнился Вольдар.

— Это мы уже поняли, — хмыкнул Макарий. — Ну что — вперед?

— И без остановок.

Однако буквально спустя несколько минут сразу за поворотом лошади остановились сами. Услышанный в лесу грохот оказался звуком очередного камнепада. На мелких, как подсолнечная шелуха, каменных обломках, заняв собой все пространство от склона до обрыва, покоился громадный округлый кусок скалы.

— И-изэ-х! — Вольдар попытался осторожно уместить ногу на выступе, но тут же спрыгнул обратно на тропу — камень шатался.

— Впереди завал, — сдержанно констатировал Макарий. — И сзади, насколько я помню, тоже... Что скажете? Сползаем по склону?

— Чтобы заполучить следующую порцию валунов на головы? — вздохнул Ужка. — Боюсь, нам остается только одно. Подземка. Вот и отметка на скале — рядом станция.

— Подземка?! Гномий транспорт?! — взвился Квайл. — Вы что! Я слышал, она у человека силы высасывает! Час походишь, и как вареный!

— В таком случае мы для нее не интересны. И так никаких сил уже нет, — вздохнул Ужка и, покосившись на напряженное лицо Макария, усмехнулся. — Да не трусьте вы так! Мы быстро!

Макарий неопределенно замычал, не торопясь, однако, двинуться с места. Квайл высказался прямолинейнее:

— Не поеду! Хоть режьте!

— Ну зачем же сразу резать? — улыбнулся Вольдар, подмигивая Макарию.

Яростный протест студента потонул в широкой ладони крестьянского сына.

*Из частной коллекции начальника карантинной камеры
Восстановленные файлы памяти утилизированных «глаз»,
работавших по пути от базы к травяной аптеке,
над Разломом и на территории Тора*

— ...при жизни пан граф носил имя Коварный, что напрямую свидетельствует о том, что его официальным отцом был широко известный Генрих Иезуит, отцом которого, в свою очередь, считается некий Станислав Гунявый, а матерью — двоюродная племянница герцогини Изабеллы Тодорской по прозвищу Лихая Изабель... — Куратор сделал короткую паузу, во время которой шумно набрал в грудь воздух и продолжил:

— Материнская же ветвь нашего графа еще более интересна: он внук прославленной красавицы Марии Цитабарской, которая, хи-хи, была не только красавицей, но и ветреницей, в связи с чем при рождении ее ребеночка одарили королевскими наградами сразу три их величества, так как каждый считал себя его папой... Как мудрая женщина, Мария Цитабарская не разочаровывала своих любовников, и малыш еще при жизни заполучил столько уникальных вещицек, что к его совершеннолетию предприимчивая мама была вынуждена изготовить для хранения отцовских подарочков специальное помещение. Нанятые эльфы не смогли выполнить самостоятельно все пожелания капризной красотки Марии. Плюнув, они бросили работу и ушли, оставив тайное хранилище недоделанным. Мария не растерялась и привлекла к окончательной отделке гномов, которые ничего не поняли из эльфийских заморочек и нацепили на двери хранилища стандартные гномьи замки. Пока понятно? Пятый! Почему не отвечаете?

— Простите, — опомнился я. — Задумался.

• Хозяин химер •

Лучший способ нападения — это грамотная защита.

Жизненный принцип ядовитых медуз

Весна — наиболее подходящее время для воскрешения покойников. Все в природе оживает...

Старая некроантская шутка

Сквозь дыру, пробитую в стенке склепа, тревожно свистел ветер.

Величайший архимаг прошлой эпохи лежал в гробу, смиренно сложив руки под подбородком. Поверх лба ошетинился шипастыми лучами обруч смерти, на высохшей шее — цепь с жетоном, проваленные глазницы прикрыты тусклыми плоскими кристаллами желтого римертина. Из-за толстого слоя пропитанных ароматическими маслами бинтов, туго намотанных на конечности и торс, возникало обманчивое впечатление, что тело не подверглось тлению, оставшись столь же гладким и округлым, каким было при жизни. В ногах мертвеца неровным рядом теснились причудливой формы бутылки.

На снятой крышке гроба плечом к плечу невозмутимо восседали слуги-зомби: хромой Адам и приземистая ширококостная Эва, сцепившая обе пары своих заскорузлых ладоней в замок на животе.

Домушник по кличке Кныш почесал небритый подбородок, опасливо покосился на неподвижных слуг, на покойника и украдкой сложил пальцы щепотью, но некроант был начеку:

— Куда лапы тянешь? Креститься вздумал?! Предупреждал же, отсушу по локоть!

— Жутко мне! — заныл вор, поеживаясь и дергая плечами. — Прибавить бы денежку, господин маг!

Старательно выпученные якобы в припадке страха цепкие птичьи глазки выжидательно уставились на Киоруса, и некроант в очередной раз пожалел, что связался с бродячим отребьем. Мало того что Кныш проковырялся с запорами два часа, рискуя шумной возней привлечь внимание кладбищенского сторожа, мало того что дверь так и не поддалась его отмычкам и им пришлось ломать стену, так еще и эти несвоевременные приступы религиозности.

Вот что значит не иметь денег! Ты вынужден довольствоваться скромной пищей, экономить на свечах и нанимать для вскрытия склепа дешевого воришку.

— Потом поговорим.

— А не обманете, господин маг?

Киорус отвернулся и усилием воли подавил в себе волну ненависти к Кнышу — скрюченному уродцу, покрытому коркой грязи, с хитренькой лисьей мордочкой и многократно переломанным носом, угадать первоначальную форму которого было уже невозможно. Мерзкое отребье!..

Под тяжелым взглядом некроманта правый кристалл римертина неожиданно провалился в глазницу мертвеца и что-то зашуршало в черепе, заставив незваных гостей синхронно вздрогнуть.

— Лерия, да начинай же!

Магисса-целительница была полной противоположностью единокровного брата: пухлые румяные щеки, тучная фигура классической кухарки, испуганно-добродушное выражение лица. Худой, с сухой желтой кожей и узкими плечами некромант походил на нее не более, чем скрученный в трубку пергамент походит на плотно набитую подушку.

— Хорошо, я попробую его поднять, — хрипло сказала Лерия.

— Только осторожно! — предупредил Киорус. — Не повреди голове, иначе он не сможет говорить.

Толстуха-магисса по-плотницки поплевала на руки, склонилась над мертвецом и провела ладонями вдоль тела.

— Подайте мне сердце и печень! — велела она, не отрывая глаз от лба покойника.

Кныш отреагировал на приказ первым. Он ловко сгреб пыльные бутылки в кучу и вдруг замер, прилипнув взглядом к одной из них.

— Ну! — не выдержала Лерия.

— Дьявол, — потрясенно прошептал домушник. — Никогда не видел ничего подобного! У него было двойное сердце?

Осуждающе посмотрев на воришку, некромант выхватил у него нужные сосуды и протянул требуемое Лерии. Вытряхнув из бутылей и бережно уложив заспиртованные органы прямо поверх бинтов, та приступила к работе. Руки магиссы запорхали над покойником, поглаживая, отряхивая, массируя, давя. В какие-то моменты казалось, что пухлые кисти мастерицы погружаются в мертвую плоть по самые запястья, а сердце слабо сокращается.

Мутная жидкость, наполняющая опустевшие стеклянные сосуды, забурлила. Покойника потрянуло, и жетон его засветился. Пропитанные маслами бинты треснули и сами собой начали разматываться, виток за витком, пока не упали путаными ворохами по обе стороны от гроба.

Медленно, тяжелыми рывками, обнаженный и разом похудевший мертвец сел. Желтые кости, покрытые морщинистой, пергаментно-тонкой кожей, протестующе заскрипели; свалывшиеся в

паклю волосы встали дыбом. Сухие лепестки век широко распахнулись, из пустых глазниц посыпались мертвые осы.

Киорус поджег пентаграмму, и она вспыхнула, осветив лежащую в центре жертвенную овцу с оскаленными желтыми зубами. Выполнившая свою задачу усталая магисса отошла в сторону и бессильно присела рядом с Эвой на треснувшую крышку с буквами АШ, стараясь не задеть подолом тушки черных петухов — выпотрошенных, набитых колдовскими снадобьями и вновь зашитых грубой конопляной нитью.

— Получилось. Теперь твоя очередь...

Хромой слуга Адам неуклюже приковылял в пентаграмму на кривых ногах и подставил хозяину чан с жертвенной кровью.

Некромант ополоснул руки и, подняв их перед собой, начал выводить основную канву заклинания. Ладони мелькали, рассекая воздух, за пальцами тянулись полосы пурпурного свечения, медленно уплывающие под потолок sklepa и впитывающиеся в гладкие плиты облицовки.

Череп с натугой повернулся на позвонках шеи, уронил челюсть и исторг из себя давно высохших насекомых, словно рвотную массу; обездвиженные тельца ос посыпались на пол шелестящим дождем. Сдвиг их в угол, Киорус приступил к следующему этапу. Одну за другой предупредительный Адам поджигал петушинные тушки и подавал их хозяину. Тот дождался, пока из горла мертвой птицы не вырвется истошный крик «Ку-ка-ре!..», и деловито совал их под нос покойнику, стараясь, чтобы ядовито-горький дым наполнил череп до краев.

— Вскипает, — тревожно прокомментировал Кныш, указывая грязным пальцем на клубы дыма, окутывающие мертвеца.

Лерия пнула его в бок. Выражение лица домушника мгновенно сменилось на обиженное, и он поспешил отползти в угол.

Некромант тем временем закончил поджаривать птички тушки. Взяв свечу, он аккуратно вставил ее в открытое ротовое отверстие архимага. Дым, наполняющий череп, вдруг вспыхнул ярким пламенем. Киорус едва шевельнул бровью, и получивший беззвучный приказ внимательный Адам с удивительной для его корявого тела ловкостью подхватил с пола чан с кровью и вывернул его над головой скелета. Свеча погасла. По желтым костям заструились потоки овечьей крови, остатки волос покойника намokли и повисли жалкими прядками.

— Великий Аш, я даю тебе язык! Говори! — велел некромант, приближая к мертвецу свое лицо.

Череп дрогнул, и по нему побежали фиолетовые сполохи. Из ро-

тового провала выполз длинный раздвоенный язык нестерпимо яркого красного цвета, сочащийся густой слизью.

— Ку... ка... ре...

Лерия отвернулась в стене, пряча нервную усмешку. Из угла доносился ядовитый гогот Кныша.

— Да погодите вы! — досадливо рыкнул некромант, совершая дополнительные пассы. — Говори! Да говори же, Аш!

Из пустых глазниц вырвались два тонких луча света. Мельком скользнув по лицу Киоруса, взгляд мертвеца прилип к замершему в углу Кнышу.

— Могильные шакалы? — презрительно поинтересовался он. — Зря старались, гробовые воришки, в склепе нет ничего ценного. Кстати, каким образом вам удалось проникнуть внутрь? Замок был заговорен.

— Э? Как заговорен? Мы об этом не договаривались! — Кныш шумно, возбужденно задышал, собираясь затянуть старую песню насчет прибавки, но вовремя спохватившаяся Лерия оттерла его плечом.

— Кажется, это мы собирались задавать покойному архимагу Ашу вопросы! — с упреком заметила магисса некроманту.

Киорус схватил скелет за шею обеими руками.

— Ты будешь говорить или нет?!

Улетевшее к потолку и заблудившееся среди дымных клубов эхо издевательски повторило: «Не-э-эт!..» Раздвоенный язык возмущенно затрепетал:

— Вонючие хорьки! А что я, по-вашему, делаю?

— Мы пробудили тебя, чтобы получить ответ на один вопрос!

— Что вам нужно?

— Двести семьдесят лет назад ты вырастил в своей лаборатории восемь магических биообъектов — солдат, которые одержали победу над целым войском. Нам требуются точные рецепты их создания.

— И как ими э-э-э... управлять! — поспешно добавила магисса, держа наготове чистую тетрадь в жестком медном переплете.

— Это уже два вопроса, — сварливо заметил покойник, с мученической миной ерзая в гробу.

— Что случилось? — встревожился Киорус.

— Черт бы побрал пройдоху-гробовщика, что обстругивал этот проклятый ящик! — с досадой пожаловался мертвый архимаг. — У меня в заднице огромная заноза, и я не могу нормально сидеть, вот что!

— О боги! — прорычал разъяренный некромант. — На тебе практически не осталось кожи, твои органы сложены в банки, словно соленые каштаны, и ты при этом сетуешь на какую-то занозу?!

— Иногда мелочи раздражают больше всего! — с непередаваемой философской ухмылкой заявил Аш. Взмешенный некромант разразился короткой фразой, не имеющей ничего общего с магией.

— Кажется, ты вздумал водить нас за нос? Я приказываю тебе отвечать на поставленные вопросы! Нас интересуют биосолдаты!

Бывший архимаг, а ныне почтенный скелет прикрыл глаза. Точнее, попытался прикрыть, ибо обрывки век были малопригодны для этого.

— Мои создания... — мечтательно сказал он, с явным удовольствием направляя воскрешенную память в неведомую даль прошлого. — Аш-шуар, непобедимый убийца. Аш-горг, по прозвищу Змей, непревзойденный в проникновении под землю и рытье ходов любой длины. Аш-апарат, человек-паук, панцирь которого не поддавался стрелам, слюна была смертельно ядовита, а клейкие нити тянулись из живота на долгие версты; на то, чтобы связать ими врага, он тратил не более трех секунд. Аш-кар, человек-пес, чья моча воняла столь нестерпимо, что я держал его во дворе. Лучший защитник из существующих в мире! Он ловил стрелы на лету и спокойно подставлял тело под удары, потому что я подарил ему редчайшую способность к регенерации. К нему я особенно привязался. Аш-куол — человек-эфир, не имеющий плоти, но зато обладающий умением растворяться в воздухе и отравлять своим ядовитым дыханием по сотне врагов разом. Аш-керил, аш-вен и аш-бор — люди-призраки, которых я поселил в пустые астральные тела, что позволило им перемещаться быстрее ветра в любой среде...

— Армию Аша можно воссоздать? — затаив дыхание, спросил Киорус.

— Если соблести ритуал и пожертвовать достаточным количеством силы — да.

— Ты помнишь заклинания?

Череп мертвого архимага искажился гримасой. Он и рад был согласиться, но под воздействием чар некроманта не имел воли отказать. Захлопнув рот, торопящийся выдать все тайны скопом, он до крови сжал зубами рвущийся наружу самовольный язык и грустно кивнул.

— Говори! — с нажимом велел Киорус. — Не упускай ни одной детали! Только правду и ничего, кроме нее! По порядку о каждом солдате! Ну! Мы готовы записывать!

— Записывать? — презрительно повторил Аш, прожигая осквернителя своей могилы взглядом. — На свете нет подходящих слов, чтобы зафиксировать ритуалы на бумаге.

— Хорошо, тогда я просто запомню, — нетерпеливо согласился некромант.

— Кажется, ты сам не понимаешь, чего требуешь. Одному эту ношу не поднять. При малейшем нарушении обряда знания расплавят твои мозги изнутри, горячей лавой стекнут в живот и отравят внутренности раньше, чем ты произнесешь последний звук!

Повисла тяжелая пауза.

Покойный архимаг знал, что через несколько минут суррогатная жизнь, насильно дарованная ему, начнет неумолимо утекать из его тела, словно песок внутри песочных часов, просачивающийся сквозь узкую воронку. Воины Аш были не просто его созданиями — они были лучшим, что он сделал в своей карьере, его вечной неумирающей славой, тем самым «невозможным», которое он сумел воплотить вопреки неверию коллег и козням врагов. Архимаг скорее согласился бы разрубить сам себя на куски, чем расстаться с тем, что хранилось в его памяти. Он беззвучно молил всех известных ему богов о том, чтобы пауза тянулась как можно дольше.

Киорус кусал губы, с каждым мгновением чувствуя приближение горького поражения. Ради получения этих знаний он наступил на горло собственным принципам, влез в долги, нарушил закон — только так можно было вскрыть зачарованный склеп, даровать мертвому гению временную жизнь и заставить его говорить. И вот теперь оказывается, что все зря. Что делать? Рискнуть и открыть свой мозг для чужого и явно недружелюбно настроенного разума? Но ведь Аш не мог солгать — он под воздействием колдовских чар. Выходит, это тупик? Как заполучить полное знание ритуалов и заклинаний, не рискуя собственной безопасностью?

Кап...

Архимаг с мстительным удовлетворением ощутил, что обратный процесс начался. Вложенная в него жизненная энергия начала иссыхать, по капле покидая истерзанное тело. Но как медленно, боже, как медленно!

— Что скажешь, Лерия? — Некромант выжидательно уставился на сестру, не решаясь просить. — Ты со мной?

Магисса покраснела.

— Даже не знаю, смогу ли... черная магия...

— Я не стану склонять тебя к колдовству. Просто согласишься стать физическим вместилищем информации, а ритуал я беру на себя.

— Ну если ты обещаешь...

Кап...

— Не тру-у-удись. Тво-о-ой мо-о-озг все ра-а-авно сли-и-ишком ма-а-ал, женщи-и-ина-а-а-а, — с нескрываемым злорадством сообщил архимаг Аш, старательно растягивая слова.

Кап...

— А как насчет этого типа? — Киорус указал на вжавшегося в стенку Кныша.

— Во-о-оры нико-о-огда не бы-ы-ыли сильны-ы-ы в нау-у-ках. Его-о-о мо-о-озг меньше-е-е моего-о-о кулака-а-а! — почти счастливым голосом сказал покойник.

Кап...

— Дьявол! А если... — мрачно начал Киорус.

— Во-о-от тво-о-оего мо-о-озга по-о-очти хва-а-атит! — перебил его мертвец. — Пра-а-авда, сра-а-азу по-о-осле того-о-о, ка-а-ак ты-ы о-озвучишь зна-а-ание, о-о-от тебя оста-а-анется мо-о-окрое мес-то-о-о. Жела-а-аешь, что-о-обы я на-а-ачал?

Кап...

О боги, скорее!

— Моего мозга хватит не только на это! — злобно прищурившись, прошипел некромант. — Я велю тебе, великий Аш, сказать мне точно: сколько людей нужно, чтобы вместить знания обо всех солдатах? И прекрати заикаться, это меня бесит!

То был очень горький момент для успешного поверить в свою победу архимага. Он хотел бы упасть и рассыпаться горкой костей, но рот по-прежнему исправно открывался, а предательский язык выплевывал слова. Время словно замедлилось.

— Пять или шесть живых, умственно здоровых человек, — с трудом сказал Аш.

Некромант довольно потер руки.

— Всего-то!

— Ты думаешь?.. — Магисса с сомнением оглянулась на пролом в стене склепа, через который они проникли внутрь.

— ДА! — проорал Киорус. — Сейчас ночь! И к тому же полнолуние! На кладбище наверняка находятся несколько любителей острых ощущений и мальчишек-некромантов начального уровня. Надо только притащить их сюда. Адам! Возьми удавки и мой нож!

Ковыляка молча кивнул и захромал к дыре.

Неловко вывалившись из склепа, слуга встал на косолапые ноги и замер, словно охотничий пес. Звуки слышались с разных сторон. Любовная парочка, расположившаяся на древнем надгробии? Кладбищенские цветочные воришки, еженощно собирающие почти свежие букеты, которые можно отряхнуть от земли и продать поутру еще раз? Или компания некромантов-новичков? Повинуясь некой садистской корпоративной солидарности, зомби Адам выбрал коллег своего хозяина.

Несчастные жестокие глупцы, мечтающие овладеть тайнами черного мастерства и решать в будущем судьбы мира, даже не подозревали, как близок на самом деле грустный час их триумфа. Двое де-

ловито потрошили могилу, еще трое в неровном лунном свете раскладывали на земле магические приспособления.

Ковыляка привел в склеп всех пятерых.

Скрученные нечеловечески сильным захватом холодных бескровных рук, оглушенные некроманты-недоучки тихо выли от ужаса всю дорогу и заорали еще громче, узрев воочию оживленного покойника, сидящего в гробу в позе мыслителя и мрачно почесывающего окровавленный лоб.

— Всего пять? — с сомнением уронил покойник.

Что-то почуявший своим звериным нюхом Кныш рванулся было к выходу, но Адам был начеку, и пойманный за лодыжку домушник тяжело рухнул на каменный пол.

— И шестой в запасе, — поправил Киорус. — Им не выйти за пределы пентаграммы без моего приказа. Вот мозги, готовые для записи твоих хитростей! Начинай!

Насильно вырванный из мира мертвых архимаг Аш заплакал. И хотя вместо слез по его костяным скулам катились жгучие потоки чужой магической силы, зрелище было печальное — очень уж не хотелось бывшему великому чародею расставаться с секретами, унесенными в могилу. Но почему иногда умираешь так медленно?!

Ухватив кистями рук голову пленника, покойник прижался своим лбом к его лбу так плотно, что кончик носа жертвы вошел в соответствующий носовой провал черепа. В потолок выстрелил яркий разряд контактной магии. С тихим шипением соединенные головы накрыло облако едкого пара, на пол посыпались опаленные огнем волосы, запузырилась плавящаяся кожа.

Кап...

— Готово, — тяжело уронил Аш, отталкивая от себя бледного, лысого, застывшего с неподвижно выпученными глазами бедолагу. — Давайте второго...

Пока Киорус пристраивал у гроба вторую жертву, магисса ловко сунула в разверстый рот первого пленника восковой кляп, наспех сооруженный из свечных огарков.

Кап...

Спустя несколько минут пять неподвижных мужчин, погруженных в глубокий обморок, подпирали стену обгорелыми макушками, а архимаг умолк. Внутри его черепа бушевали пурпурные вихри, а язык начал заплетаться и проваливаться.

— Великий Аш! Разве ты сказал все? — заторопился некромант.

Кап...

Шатающийся покойник с трудом нашел в себе силы презрительно хмыкнуть.

— О семерых солдатах все.

— Но ведь их было восемь!

— Восьмым был аш-шуар. Я не использовал для его изготовления человеческий материал, это не солдат, а просто одна из моих ручных химер. Но с поразительными способностями.

— Какие ритуалы нужны, чтобы ее создать?!

Скелет позволил себе широкую улыбку.

— Ничего сложного: обычная колдовская месса, специальный кокон и комплекс живительных заклинаний. Аш-шуар был капризом, потехой для самолюбия. Так он вам тоже нужен?

— Идиот! Он был нужен в первую очередь! Быстро говори заклинания!!! — Некромант уже орал.

Кап...

— Я не успею сказать, — честно признался архимаг, с заметным усилием держа голову прямо. — Поищите мои старые записи. Где-нибудь... кажется, я сунул тетрадь в ненужные бумаги.

— Ненужные бумаги?! — Киорус задохнулся от ужаса. — погоди, не умирай! Скажи еще хоть что-нибудь!

— Охотно. Будьте прокляты вы сами и то, что вы задумали.

Кап.

Скелет пожал плечами, отчего клочки плоти на его груди разошлись в стороны, и вяло сполз в угол гроба.

На некроманта было страшно смотреть. Аш-шуар один стоил целой армии, и уж опытный маг никак не ожидал, что попадет в такую простую ловушку: упрямый мертвец выполнил все требования, отдал знания — но в обратном порядке, утаив тем самым главное.

Зарывав, он кинулся к покойнику и пал на его грудь, оглашая склеп воплями ужаса.

— Выпустите меня! Скорее выпустите! Я не хочу больше здесь находиться! — занервничал Кньш. — Аш проклял нас от всего сердца, а ведь оно у него двойное!

— Заткнись, мразь! — огрызнулся Киорус, колотя сжатым кулаком по крышке гроба. — Проклятие мертвеца ничего не стоит! Двойное, тройное... Его сердце просто кусок тухлого мяса, засунутый в банку! А сам он всего лишь старый скелет. Адам! Свечи и двух оставшихся петухов! Быстро!!!

— Ты собираешься повторить попытку? Через такой короткий промежуток времени? — испугалась магисса. — Это же запрещено! Не только боги, демоны могут разгневаться!

— Молчи, женщина! Я не могу уйти просто так!

Ковыляка невозмутимо подал требуемое. Торопясь ухватить тонкую ниточку окончательно ускользающей жизни, некромант с поразительной скоростью повторил завершающий фрагмент ритуала

ла, с размаху полоснул ножом по собственному запястью и щедро оросил голову мертвеца своей кровью.

Уже застывающий скелет конвульсивно вздрогнул и лязгнул зубами.

Киорус зажал порез и угрожающе навис над телом.

— Говори! Как изготовить аш-шуара — быстро и по существу!

Слабые розовые лучи осветили глазницы. Архимаг Аш с ненавистью воззрился на некроманта.

— Для начала взять шесть частей тел от разных животных и...

В наступившей тишине отчетливо послышался звук хлопающих крыльев, и почти тотчас же голова покойника вдруг резко дернулась, словно кто-то невидимый дал ему пощечину, хотя некромант мог бы поклясться, что в склепе кроме них никого нет.

— Дальше! — простонал Киорус, с ужасом наблюдая, как осмысленное выражение сползает с лица архимага, сменяясь безмятежной гримасой.

Скелет сладко улыбнулся, засучил ногами и, неожиданно ловко ухватив окровавленный палец некроманта оскаленным ртом, начал увлеченно сосать, блаженно причмокивая.

— Дьявол! Что это с ним! — перепугался некромант, вырывая свою конечность из зубов покойника и брезгливо вытирая палец о подол.

— А я предупреждала! — с упреком заметила магисса, осторожно наклоняясь над мертвецом. — Ух ты, мой маленький! Так тебя можно поздравить с днем рождения? Проголодался, котик?

Лишенный пальца для сосания архимаг скривился в удивительно искренней страдальческой гримасе и зашелся плачем, прихлупывая и сопя отсутствующим носом.

— Дьявольщина! — выдавил из себя Киорус. — Он действительно больше ничего не помнит?

— В сущности это уже не он, — строго сказала магисса, деловито потряхивая над лицом покойника использованной тушкой петуха в качестве погремушки.

— Гу! — подтвердил скелет, сплетая ноги в узел и орошая мятые бинты призрачной светло-желтой струей.

— Ах ты, зайка! Обделался, маленький?

Некромант застывшим взглядом проследил, как магисса умело обкручивает тазовые кости бинтами, сооружая нечто вроде гигантского подгузника, прикусил губу и начал рвать канву заклинания с яростью, от которой клочья силы разлетались по склепу, прилипая к стенам и медленно сползая на пол, словно жидкая грязь.

— Надеюсь, он сгорит в аду!

— Возьми себя в руки, брат, — мягко сказала Лерия, ритмично

покачивая гроб, словно хлопотливая толстуха-нянюшка, и с неодобрением глядя на беснующегося некроманта. — Пусть не восемь, а только семь — это тоже неплохой результат! Мы и так сделали почти невозможное, теперь самое время позаботиться о «сосудах» знания. Тихо-тихо-тихо! А кто у нас плачет? Не надо плакать! Спи, маленький!

Киорус оглянулся на неподвижные тела, аккуратно сложенные у стены в строгом порядке, и кивнул Эве.

Служанка-зомби тут же засуетилась.

В четыре руки склеп был вычищен, лоб каждого «сосуда» украсился свежими царапинами, обозначающими цифры, а мертвый архимаг с теперь уже новыми реинкарнированными мозгами уложен в гроб и прикрыт крышкой. Собрав в подол ритуальные свечи, смыл кровь, соскребя с потолка копоть и уничтожив малейшие следы пребывания в склепе посторонних, Эва закончила работу положенным книксеном и застыла в углу, словно огромная нелепая кукла в человеческий рост.

— Мои деньги! — Едва крышка гроба захлопнулась, Кныш немедленно воспрянул духом и отклеился от стены. — Деньги за работу!

— Вот, держи.

— А за молчание? — Ладонь требовательно вытянулась вперед, острые птичьи глазенки не мигая уставились на Киоруса.

— Адам! — приказал некромант, шевельнув бровью.

Нельзя сказать, что ковыляка был умелым бойцом, но удар камнем по затылку удался ему, как всегда, превосходно. Вынеся Кныша прочь и бросив его на соседнюю могилу, Адам придал телу домовника коленопреклоненную позу скорби, забрал у него деньги и вернулся к хозяину.

Через полчаса от ворот кладбища отъехали две кареты.

Трясаясь на жестком сиденье в компании слуг, вялый от пережитых волнений, энергетических затрат и потери крови некромант прикрыл глаза, но задремать так и не смог. Перед мысленным взором упорно стояло лицо мертвеца, а в ушах звенели его последние слова. Никаких угрызений совести Киорус не испытывал: профессиональная некромантия категорически не сочеталась с такими понятиями, как жалость, доброта или раскаяние. Но если к проклятиям в свой адрес ему было не привыкать, то задуманная цель была слишком серьезна, чтобы подвергать ее дополнительному риску.

— Адам? — задумчиво спросил Киорус.

Прислоненный к стенке кареты слуга подобострастно оскалился:

— Мугу?

— Возьмешь шесть паундов, что я обещал Кнышу, поутру схо-

дишь в церковь, купишь лучших свечей и поставишь около каждой иконы.

— Мугу.

— Еще паунд мелочью раздашь попрошайкам.

— Мугу.

Прибегнув этому наивному самообману, некромант сразу почувствовал себя значительно лучше. Наверное, он бы даже задремал, но тут карета свернула с укатанной дороги на вихлястую тропу, и вопрос отдыха отпал сам собой.

База филиала преисподней.

Общежитие полевых работников.

Комната Пятого

Сосредоточенно пыхтя, я рылся в куче собственных носков с целью рассортировать их по парам.

Безуспешно. Двадцать две штуки, и все разные.

Оставалось только развести руками и признать существование некоего хитрого физического закона: носки, как и одноименные заряды, обладают тенденцией отталкиваться друг от друга. Причем носки, в отличие от одноименных зарядов, не просто отталкиваются друг от друга, но еще и прячутся. В самых непредсказуемых местах.

Бережно отложив в сторону пару если не близнецов, то, по крайней мере, родных одноцветных братьев, я грустно почесал рог, и тут из помывочного отсека донесся тонкий вибрирующий сигнал — дали долгожданную холодную воду. Ура!

Галопом доскакав до кабинки, я до отказа открыл кран и блаженно зажмурился под прозрачной освежающей струей, но приятное расслабленное состояние было злодейски нарушено хриплым голосом домашнего водяного, в просторечии именуемого душевым.

— А жрать? — сварливо рявкнули над ухом.

— Вчера только оставлял! — возмутился я, приоткрывая один глаз.

— Вот и приходил бы вчера! — отрезал душевой с самоуверенностью монополиста. — Эксплуататор проклятый!

Я хмыкнул от такой наглости и тут же получил полные уши воды — душевой насмешек не терпел.

— Жрать! — категорично повторил он. — А то холодный кран заткну!

— погоди! дай хоть домыться! — возмутился я.

— ногой заткну! — пригрозил душевой. — Нет, даже обеими ногами!

Я, как был, наполовину намыленный, полез из кабины прочь. Искать какую-нибудь еду. Одну ногу в кране я бы еще вынес, но обе — это уже чересчур.

Те, кто не встречался с душевыми лично, ошибочно представляют их себе как миловидных существ с влажными блестящими кудряшками и розовой, скрипучей от постоянного мытья кожей. Следуя той же логике, самое чистое существо на свете — это слесарь-сантехник.

На деле типичный душевой представляет из себя мелкого сморчка в резиновых сапожищах до колена, мотком проволоки под мышкой, вечной колючей щетиной, ржавчиной под ногтями, нечесаной гривой цвета пакли и хронически нудным характером. Пахнет это прекрасное создание стоячими водами. И хотя некоторые эстеты деликатно именуют данный запах «речной свежестью», сквозь тинные тона отчетливо пробиваются нотки тривиального канализационного засора.

Грустно, но приходится признать: моя собственная, можно сказать, родная домашняя нечисть относится ко мне совершенно наплевательски.

Наверное, я слишком мягкий по характеру. Вот у моей напарницы Второй совершенно иная ситуация: ее нахлебники ходят по струнке, лишний раз боятся кашлянуть и по утрам приносят строгой хозяйке кофе в постель. Что же касается лучшего друга, то Третий и вовсе проживает в гордом одиночестве, ибо не родилась еще на свете зверушка, способная выжить в нелегкой борьбе с этим прожорливым хозяином за кусок еды.

Тихо бурча под нос и придумывая страшную кару для распоясавшейся домашней нечисти, я побрел на кухню, оставляя за собой мокрую дорожку следов. Зоркий взгляд, брошенный на скудное холостяцкое хозяйство, выделил среди хаоса несколько предметов, идентифицированных мною как потенциально пригодные для еды.

К сожалению, более внимательный осмотр сократил их количество до одного.

Остатки психоделически синей колбасы отпали сразу — за это угощение душевой не то что ногами, задом трубу заткнет. Два одиноких огурца, стыдливо скорчившиеся в углу подоконника на тарелке и мастерски задрапированные пучком укропа, выглядели как прошлогодние покойники и пахли примерно так же. А вот вчерашний бутербродик, забытый на столе, оказался вполне ничего, даже не покоробился, держится молодцом. Винишко и вовсе свеженькое, практически только что открытое — еще головная боль от вечерней дегустации не прошла. Придется оторвать от сердца и добавить к бутерброду.

Пусть проклятый нахлебник подавится, очень уж освежиться хочется.

Тарелка была торжественно внесена в санитарный отсек. Огрызок бутерброда заставил зажавшегося наглеца недовольно поморщиться, но початая бутылка плодово-ягодного была принята более чем благосклонно.

Поворчав для порядка, душевой сцапал угощение и удовлетворенно забулькал в углу.

Вернувшись в душевую кабину, я принял исходное помывочное положение и некоторое время терпеливо ждал.

Тишина. И сухо как в пустыне.

— Ну! Где вода? Ты же получил обещанное! Или все-таки посмел заткнуть трубу, дрянь воноющая?

— Да я фуф не фри фем! Ее фькуфили! — не прерывая бодрого чавканья, равнодушно поведал душевой уже откуда-то из стены.

— Что? — не понял я. — Отставить хрюканье, говори внятно! Почему холодная вода не течет? Ты долго собираешься издеваться?

— Выключили ее... о... о...о... — Короткая фраза скользнула по потолку и выплеснулась из сухого крана, дразня хвостиком прицепившегося эха.

— Выключили?! Ах ты, мерзкий сортирный барабашка! — разозлился я. — Ты же заранее должен был знать! Я весь в мыле засохшем! Почему не предупредил?!

— Ага! — хихикнули из унитазного бачка. — Хрен бы ты тогда мне поесть дал!

Смыв с себя корку подсохшей пены кипятком под надрывные завывания «Ой, рыбина-а кудрявая-а-а-а...» счастливого душевого, я громко пообещал в самое ближайшее время угостить кое-кого пирожками с отравой, вытерся и, пыша одновременно телесным и душевным жаром, отправился одеваться.

Любовно составленной «пары» носков на месте не было.

Кошки Шивы тоже — вот странное совпадение!

Натянув на копыта то, что осталось от былой роскошной коллекции, я выпрыгнул в раздвоенные по подошве ботинки, застегнул полевую форму, тихо выругался и еще минут десять потратил на то, чтобы отчистить камуфляж от налипшей серой шерсти.

Здравствуй, воспетое поэтами романтическое время — весна! Пришла, долгожданная ты наша, пора любви и кошачьей линьки!

Закончив приводить себя в порядок, я мельком глянул в зеркало, полюбовался нашивками, стряхнул с рогов пылинки и пригладил волосы.

— Краса-а-аец! — ехидно протянул в наушнике голос курирующего администратора. — Чистый, аккуратный — хоть картину ри-

суй! Только напрасно ты, Пятый, так старался. Полевой комбинезон не понадобится. Работенка сегодня предстоит несколько... э-э-э... специфическая...

— И в чем специфика? — насторожился я.

— Если коротко, будешь сопровождать смертное лицо мужского пола из пункта А в пункт Б.

— И только-то? — оскорбился я. — С каких это пор Организация выполняет функции охранного агентства? Я полевой работник шестого ранга!

— Слушай, сынок, хватит привередничать. Дали работу — делай ее. Сейчас не до тебя, других проблем хватает.

— Ага, — загорелся я. — Ловлю на слове! Значит, про масштабную боевую операцию все правда! Недаром в общаге по углам шушукуются! Расскажите подробности, до смерти любопытно.

— Пятый! — укорил куратор. — Ты просишь меня выдать служебные тайны? Меня?!

— Лучше узнать правду от родного курирующего администратора, чем питаться слухами, — твердо сказал я.

— Не имею права разглашать!

— Ну и ладно. Сейчас пойду в курилку и все узнаю лично от товарищей по филиалу.

— Вот уж поистине сверхнадежный источник! — Из наушника вылетел презрительный смешок. — Эти твои так называемые товарищи только и умеют, что байки травить!

— Ошибаетесь. Например, я в курсе того, что позавчерашней ночью душа покойного архимага Аша, принимающая вечные муки на нижнем круге преисподней, взлетела над сковородой и начала бешено крутиться вокруг своей оси, потому что кто-то из смертных потревожил его могилу. Говорят, две панны сначала почистили гроб на предмет золотишка, а потом надругались над мертвым телом.

— Брехня, — механически поправил куратор. — На самом деле склеп вскрывали трое: бродяжка-домушник, некромант и его сестра магисса-целительница. И никакого золота в гробу не было.

Я дипломатично хмыкнул.

— Тогда понятно, отчего они так разъярились, что повели себя... э-э-э... не слишком культурно.

— Что-то ты в последнее время стал излишне сексуально озабочен, Пятый, — ядовито сказал куратор. — Никак весна в голову ударила? Должен тебя разочаровать, но покойника никто не насиловал. Все гораздо хуже: его воскресили и допросили. Скажу больше: во время допроса архимаг Аш невольно чуть не похерил грандиозный план Организации. Сболтнул он еще хоть слово — конец всему. Хорошо, черт-истопник вовремя сориентировался: быстро доложил

наверх, и к месту захоронения нашего элитного грешника вылетела аварийная бригада. В последнюю секунду успели: заткнули рот болтливому мертвецу.

— Знаю, — кивнул я, — теперь он в Раю. У ночного дежурного прямо руки от волнения тряслись, когда рассказывал. Говорит, жуткое зрелище было: только что душа перед носом крутилась-вертелась, а потом — фюить! — пустая сковорода!

— Бред. У твоего дежурного руки тряслись, потому что он позорно бросил пост и с перепугу напился как свинья. На самом деле Аш удостоился не Рая, а всего лишь внеочередной реинкарнации. Допрос оказался для него слишком мучительным.

— Повезло. А чем он вообще прославился, этот старик? В курилке говорят, что на спор придумал каких-то невероятных биороботов, которые триста лет назад всемером разгромили целую армию.

— Опять мимо. Не роботов, а настоящих живых солдат с удивительными способностями. И не армию они громили, а четыре сотни обычных рабов, на которых тогдашний император Орасса и Каперии Либбиак Второй разрешил провести испытание.

— Еще говорят, что Организация собирается в ближайшее время воссоздать этих существ и натравить их на ангелов.

В наушнике раздался характерный глухой звук — куратор постучал себя по лбу (в беседах со мной он часто использует этот прием).

— Пятый, Пятый... Что же ты всякие глупости слушаешь, сынок! Ангелам эти солдаты, как медведю комариный укус. Вот восьмое изобретение архимага Аша действительно удостоилось внимания аналитиков Организации. Отдел прогнозов утверждает, что если все пойдет по плану и чудо-зверь будет рожден, поголовье ангелов в мире сократится минимум в десять раз.

— А как же Кодекс? — тихо ахнул я, пытаюсь связать в уме услышанную новость с полученным заданием и не находя ни одной связующей ниточки.

— Никаких нарушений! — торжественно отчеканил куратор. — Никаких! Руки носителей Отрицательной сущности не запяtaient ни одна капля ангельской крови, все произойдет чисто случайно! — В наушнике послышался характерный шорох потираемых рученок. — Аш-шуар, Пятый, это такой невероятный зверь, против которого... — Тут администратор резко осекся, и я понял, что диалог подошел к логическому завершению.

— Так я пошел?

— Куда? — настороженно уточнил куратор.

— В курилку.

— Стоять!

— Но...

— А я говорю, тпррру!!! Не смей разглашать служебную тайну! Немедленно в костюмерную, там твою одежду как раз до ума доведут!

Оскорбленно задрав подбородок, я двинулся по коридору в сторону костюмерной, но на полпути в меня врезался коротконогий чертенок-курьер, бережно несущий на вешалке нечто странное мешковатого покроя. Беззлобно треснув растяпу по рогам, я от души оттоптался на белой тряпке, в результате столкновения слетевшей с вешалки на пол, и уже почти скрылся за поворотом, как чертенок робко окликнул меня:

— Товарищ полевой работник шестого ранга инвентарный номер 437/138-5! Подождите, я как раз к вам!

— Серьезно? — изумился я, притормаживая. — И по какому вопросу?

— Рабочий костюм отдать.

Короткие ручонки старательно отряхнули бесформенный балахон, на белом фоне которого теперь красовались четкие отпечатки моих собственных копыт, и торжественно протянули его мне:

— Вот.

Наушник миниатюрного переговорного устройства, закрепленного на моем ухе, затрясся от кураторского смеха.

— Видел бы ты сейчас свое лицо, Пятый! — поделился радостью куратор. — Вот умора!

Видимо, курьер из костюмерной так не считал. Едва подняв на меня глаза, он тихо ойкнул, сунул мне балахон и ускакал по коридору со скоростью жеребца — фаворита королевской конюшни, участвующего в финальном забеге.

— Саван? — мрачно предположил я, безгловно держа вешалку на вытянутой руке.

— С чего ты решил? — удивился куратор. — Скорее наоборот.

— А подробнее?

— В данный момент по водам Кораллового моря движется пассажирский корабль. Спустя несколько часов он возьмет курс на маяк и причалит в порту Крабса. С борта судна спустится на берег очень важный для нас пассажир — наследный принц рода От-Абу-Шоох по имени Фарад. Твоя бригада должна охранять его с момента высадки на берег до прибытия в гостиницу. Чтобы ни один волос с головы не упал!

— Ого! — насторожился я.

— Этот человек нужен нам позарез, Пятый. Он последний потомок покойного архимага Аша и является хранителем бесценного древнего заклинания. При малейшей опасности закрывайте клиента своими телами!

— Судя по тону вашего голоса, товарищ куратор, опасности гарантированы?

— Не то чтобы гарантированы, но... — смутился куратор. — Надеюсь, Пятый, ты согласишься со мной, что на свете существуют такие понятия, как везение и невезение.

— На все сто.

— Так вот: данный наследный принц является на редкость невезучей человеческой особью. Если в королевской резиденции От-Абу-Шоох происходит несчастный случай, все заранее знают — не обошлось без принца. Будь он простолюдином, а не особой голубой крови, и до совершеннолетия не дожил бы. Началось с того, что мать его, бедная страдалица, двое суток рожала. Дальше еще хуже. Только повитуха младенчика на руки взяла — уронила, мыть начали — кипятком ошпарили, в люлечку положили — ножка опорная подломилась, во двор воздушком подышать вынесли — злодейки-птицы малыша обгадили. Потом Фарадик чуть от горячки не помер, всеми детскими болезнями переболел, в росте отставал, до пяти лет заикался, головными болями и ломотой на погоду мучился, почесухой от молочного, мясного, круп, яиц, орехов, красных овощей-фруктов, чеснока, острого, сладкого, собачей шерсти, лошадиного пота, птичьих перьев и рыбьей чешуи страдал.

— Впечатляющий анамнез... — уважительно прокомментировал я. — Два тома медицинской энциклопедии мелким шрифтом заполнить можно. Приметы принца можете не сообщать, я его наверняка в порту сразу узнаю. Небось слепой, глухой, в шрамах и коросте с ног до головы, постоянно чешется и на коляске передвигается?

— Совсе нет. На своих двоих, стопроцентно видит, слышит еще лучше, а уж орет... дворцовые павлины от зависти моментально затыкаются и перья теряют, — возразил куратор. — С личной жизнью тоже порядок. Трижды счастливо женат, для развлечений вне семьи имеет небольшой гарем. Видишь ли, Пятый, прежние детские болячки принц благополучно перерос, и теперь его невезение такого редкого свойства, что падать-то неприятности на него падают, вот только сразу отскакивают. На других. И горел он уже, и тонул, и в пустыне трое суток плутал, и с лестницы падал, и грибами травился — а все живехонек и целехонек. А вот среди королевской прислуги постоянная текучка. С такой завидной регулярностью из дворца на больничную койку вылетают, что правящее семейство имена новых слуг уже и запоминать не пытается. Всех девок кличут «Эн», всех парней — «Жак». Испытательный срок неделя, и то не каждый везунок успевает продержаться.

— Значит, меня уготовили на роль очередного Жака? — грустно констатировал я.

— А кого еще? — удивился куратор. — Твоя бригада славится исключительной удачливостью, особенно в трудных ситуациях. Да ты не тушуйся, задание-то в сущности простенькое. Проводите Фарада от порта до пригорода Нифера, попристутствуете в гостинице — и готово!

— Заманчиво, — осторожно сказал я. — Но как-то чересчур легко. Нет ли тут подвоха, товарищ куратор?

— Ох и проницательная ты зараза, Пятый! — Голос административного работника моментально посерьезнел. — Ладно, признаюсь. Сам понимаешь, операция не рядовая, а потому фиксируется «глазами» Всевидящего Ока во всех подробностях, чтобы позже наверху могли изучить материал. В связи с этим у меня к тебе просьба. Личного, так сказать, характера. Выполнишь?

— Хотите что-нибудь из людских безделушек заказать? — предположил я. — Легко! Пронесем мимо «глаз» через карантинную камеру любую ценность в лучшем виде, не сомневайтесь!

— С ума сошел? — перепугался куратор. — Какие еще безделушки?! Тоже мне, контрабандист хренов! Хочешь родной филиал перед САМИМ опозорить? Вы должны продемонстрировать начальству лучшие качества полевых работников. Проявить верность долгу, исполнительность, смекалку, выносливость, принципиальность!

— Есть продемонстрировать! — разочарованно буркнул я. — Это и была личная просьба?

— Не совсем, — замялся куратор. — Э-э-э... Скажи-ка, Пятый, не могли бы вы по ходу дела озвучить в кадре несколько фраз?

— Каких именно, товарищ куратор? — тоскливо уточнил я, мысленно представляя, каким идиотом буду выглядеть, декламируя к месту и не к месту «Слава Организации!», «Зло навсегда!» и прочие политкричалки.

— Сейчас, минутку! — В наушнике зашуршало, после чего администратор прочистил горло и начал методично перечислять.

На двадцать втором пункте («Ничто не утоляет жажду лучше, чем пиво «Хмельной родник» — спрашивайте в трактирах города!») я рискнул прервать бесконечный поток деликатным кашлянем:

— Кх-кх!

— Прости, увлекся! — опомнился куратор. — Текста не очень много, не более двух с половиной страничек. Полный список я отдал Третьему. Не пугайся, никакого криминала, только проверенные бренды. Кстати, помимо традиционного сухого пайка я распорядился положить в багажный отсек капсулы лучшие образцы рекламируемой продукции, полакомитесь между делом. Ну так как, сможете? Ненавязчиво так, мимоходом. Но громко! И разборчиво!

— Постараемся! — вздохнул я, не зная, огорчаться или радоваться такому оригинальному повороту событий.

— Я так и знал, что на тебя можно положиться! — расцвел мягкими полутонами благодарности голос куратора. — Уверен, что с заданием тоже все будет в полном порядке!

— Не знаю, не знаю... — попробовал заупрямиться я. — Работа с невезучим клиентом...

— А кому сейчас легко? — немедленно откликнулся куратор, подбавляя металла в голос. — Долг есть долг, сам понимаешь! Ты уж, сделай милость, не перечь принцу. Если он тебя Жаком обзовет — откликайся. То же самое касается и напарников. Третий — Жак, Вторая — Эн. Сейчас они подойдут, я предупредил. Одевайся, сынок, пора лететь в порт, его высочество Фарада От-Абу-Шооха встречать.

— В простыне?!

— Не вздумай повторить эту фразу при Фараде. Перед тобой, Пятый, не простыня, а скрупулезно воспроизведенный сотрудниками нашего пошивочного цеха национальный аброузский костюм, мельчайшие детали которого соответствует традиции.

— Детали? Не знал, что у мешка с дыркой для головы столь сложный покрой.

— Напрасно скалишься. Форма аброузского наряда разработана таким образом, чтобы потоки положительной энергии «си», попадая внутрь, могли свободно курсировать, насыщая тело владельца здоровьем и силой, — поведал куратор. Выдержал эффектную паузу и уронил со снисходительностью интеллектуала, беседующего с темным невеждой: — Ты хоть знаешь, что такое «си», Пятый?

— Обижаете, товарищ куратор! — оскорбился я. — Самая модная нынче тенденция! Не пойму только одного: каким боком эти энергетические выкрутасы касаются работы? Есть же полевая форма! Не скажу, что шедевр от кутюр, но всяко лучше данного тряпичного убожества!

— Это не глупости. Если ты еще не забыл Устав, то должен знать, что желание клиента есть закон, — сухо сообщил куратор. — А их высочество пожелал, чтобы его обслуживали черти именно аброузской национальности. Говорит, общий язык проще будет найти.

Я так изумился, что уронил вешалку.

— Товарищ куратор? У носителей Отрицательной сущности есть национальности? Кажется, я что-то упустил за четыреста с лишним лет своего существования на этом свете...

— Прекрати ерничать! — досадливо крикнул наушник. — Фарада нервировать — все равно что на бочке с порохом шашлыки жарить. Хочет иметь в сопровождении чертей-земляков — предоставим.

Скажи спасибо, что доставшееся нам высочество является принцем Аброузии, а не соседнего с ней халифата. У тех костюм весит как боевые доспехи коня-тяжеловоза, имеет сто двадцать два строго регламентированных разреза по спинке и рукавам, а вместо брюк подразумевает расклешенную юбку до середины бедра. Я тебя утешил?

— Только сейчас я понял, до чего мне повезло, — вздохнул я, подбирая с пола окончательно утративший товарный вид балахон. — Ладно, задание ясно, иду переодеваться...

Я как раз раздумывал, где у аброузского костюма перед, а где зад, когда в комнату без стука ворвался полевой работник четвертого ранга инвентарный номер 576/654-3, или, проще говоря, Третий.

Мой лучший друг и постоянный напарник был красен лицом и тоже наряжен в скрупулезно воспроизведенное национальное одеяние, отчего выглядел так, словно подрядился изображать привидение на деревенской ярмарке. Точно такой же балахон, как и у меня, был толстяку заметно маловат и на особо выступающих частях тела (шея, плечи, грудь, бедра, живот) угрожающе потрескивал. Несчастной энергии «си», сдуру залетевшей в его наряд, оставалось лишь одно: ввиду невозможности свободного перемещения тихо забиться под мышку и сгинуть там навеки. От возмущения и неудобства Третий не шел, а летел над полом, скосолопав ноги.

— Тебе достался костюм не того размера! — констатировал я, разглядывая кругленького «призрака».

— Нет! Ангелы побери Аброузию! — рявкнул толстяк, с опаской приземляясь на диван. — У этих извращенцев, оказывается, просто не бывает крупных мужиков! Что за страна, спрашивается? Сборище дистрофиков!

Из коридора послышался шум, и на пороге эффектно возникла наша напарница.

Красавица-чертовка на минуту застыла, чтобы дать нам возможность полюбоваться ею, а потом, виляя бедрами, вплыла внутрь.

Нежнейшие шелковые шаровары обвивали ее ножки мягкими складками, украшенные драгоценностями ремешки босоножек подчеркивали изящество щиколоток, ажурный золотой пояс, оставляющий обнаженным пупок, позванивал при каждом движении маленькими колокольчиками, чашечки лифа были пошиты так ловко, что не скрывали, а скорее выставляли напоказ свое соблазнительное содержимое. Единственной деталью, предназначения которой я не понял, была тонкая серебристая сеть с крупными ячейками, спускающаяся от головы прелестницы к ее ногам.

— Привет, Жаки! — выпалила наша напарница, довольно крутанувшись на каблуке под звон колокольчиков.

— Ты красотка, Эн, — вынужден был признать я. — А сетка за-

чем? Национальное женское аброузское приспособление для ловли скатов на досуге?

— Какая ловля скатов? Это паранджа! — доложила Вторая, с интересом разглядывая толстяка.

— Серьезно? — удивился я. — Оказывается, я еще менее силен в моде, чем думал раньше. Разве паранджа предназначена не для того, чтобы прятать под собой от похотливых самцов женскую красоту?

— Классическая паранджа, — четко доложила Вторая, — есть сетчатая конструкция, длиной от макушки до щиколоток с прорезью для глаз. Размер ячеек не регламентирован, я лично проверила в архиве. Пусть тот, кто найдет в данном экземпляре паранджи несоответствие нормам Абрузии, первым бросит в меня камень.

— Э-э-э... А прорезь для глаз? — сглатывая слюну, спросил Третий.

— Мой костюм даже строже, чем приписывают традиции, — скромно ковыряя босым пальцем ноги пол, заявила Вторая. — Чтобы не нервировать похотливых самцов своими прекрасными девическими глазами, я отказалась от прорези. Что застыли? Так мы летим или не летим?

— Летим, — с трудом отводя глаза от заманчивого зрелища, сказал я.

Сзади шумно вздохнул толстяк и раздался треск все-таки повравшегося на могучей груди балахона.

Полураздавленная энергия «си» вырвалась на волю.

Каперия. Пригород Крабса

Весна, как это часто бывает в приморье, нагрянула внезапно.

Этрюна, лениво стекающая с гор и представляющая собой практически весь год хилый ручеек, вдруг вспомнила о том, что она река, и угрожающе разлилась, наполнившись талой водой. Зимний лес очнулся от спячки и вновь обрел звуки. Окружающие луга зазеленели первой робкой травой, радуя домашнюю скотину долгожданным угощением. У деревенских жителей появился шанс найти то, что выскользнуло из рук за долгую зиму и бесследно пропало в снегу. А так как находки с завидным постоянством попадались под ноги вовсе не тому, кто посеял вещицу, предпочитая посторонним счастливым, народная каперийская мудрость придерживалась в данном вопросе принципа «кто первый нашел, тот и хозяин».

Тропа чавкала при каждом шаге.

В очередной раз вытащив ногу из грязи, юноша с узлом за плечами наклонился и выудил из-под подметки нечто, подмигнувшее ему

на солнце блестящим боком. Монетка? Увы, всего лишь полированная пуговица!

Разочарованно хмыкнув, молодой человек отшвырнул бесполезную вещь прочь и упругим шагом (что само по себе было непросто, учитывая состояние тропы) двинулся дальше. Последний раз он вкушал пищу чуть более суток назад, и хотя родниковая вода была, несомненно, хороша и свежа на вкус, питательной ее назвать было никак нельзя. Хотелось уже не просто есть, а жрать. Впитаться зубами в толстый кусок мяса — так, чтобы прозрачный сок потек по подбородку. Жевать мягкий печеный картофель, поливая его острым соусом, обжигая язык и охлаждая бушующий во рту пожар ледяной брагой. Одной рукой отшвыривать от себя обглоданное свиное ребро, а другой хвататься за следующее.

С грустной иронией юноша подумал о том, что граница между порядочным человеком и мелким преступником проходит аккуратно по линии желудка. Стоит только как следует проголодаться — и ты начинаешь понимать базарных воришек, нарушающих божественные заповеди за горячий пирожок.

Несмотря на невеселые мысли, шага путник не сбавлял. Его близорукие голубые глаза с прежним упрямством смотрели вперед, а мягкие русые пряди взлетали над головой, повинуясь порывам озорного весеннего ветра.

Звали молодого человека Геллан, и он не просто гулял по окрестностям, а находился в процессе поиска работы.

Первоначальная наивная уверенность в том, что его — такого молодого, сильного и энергичного — отхватят с руками и ногами, давно покинула Геллана. Теперь, умудренный опытом трехнедельных отказов, он знал: энергичные молодые люди без документов и различных рекомендаций ажиотажным спросом у работодателей не пользуются. Бодрым темным лошадам хозяева предпочитают пусть не таких бодрых, но зато хорошо знакомых.

Вот такие нынче времена, увы. Нет между людьми прежнего доверия.

Впрочем... справедливости ради стоит отметить, что пара скелетов в шкафу молодого путника все же имелась.

Первая и основная тайна заключалась в том, что Геллана на самом деле звали Алессандр Ла-Эм, он имел от рождения гречишно-медовую кожу, высокие скулы, острые уши, скрученные жесткими дредами черные волосы и яркие зеленые глаза. Коротко говоря, юноша был чистокровным отгийцем, и за одно это сейчас в Каперии могли оторвать голову.

Кроме того, в жилах псевдо-Геллана текла кровь не рядового гражданина, а клана правителей Оттии, и за это голову могли уже

не просто оторвать, а оторвать с особым цинизмом и выслать с курьером оттийскому королевскому дому.

На маленькое северо-западное островное государство имели зуб все соседи и некоторые соседи соседей. В свое время Оттия повоевала вничью со всеми, до кого дотянулась, и, не выиграв ни одной войны, все же сумела нанести противникам столь глобальные разрушения, что они долго зализывали раны и восстанавливали руины, проклиная тот миг, когда они по дураости ввязались в эту авантюру.

В самой Оттии рушить было практически нечего. Сельское хозяйство по праву гордилось высокоудойными коровами, морозоустойчивыми зерновыми, сомнительного качества льном и красным перцем такой убийственной остроты, что некоторые страны запретили его к ввозу, признав опасным для здоровья человека. При этом коренные оттийцы безо всякого ущерба для организмов приправляли этим продуктом большинство блюд, включая детские лакричные тянучки.

Но есть на свете справедливость. В настоящий момент страна расплачивалась за прошлые грехи, беднея и потихоньку уменьшаясь с каждым годом — со всех сторон на остров наступало море. Причины столь странного природного явления были покрыты мраком неизвестности, но ни коллективные молитвы всем богам, включая языческих, ни попытки укрепить берег с помощью новейших конструкций и самых дорогих магических реактивов ничего не дали. Остров таял.

Так как исторически сложившимися увлечениями оттийцев были морской разбой, вырезание фигурок из дерева и кости, а также умение драться, помногу пить и долго, разухабисто, с чувством петь, в самые патетические моменты переходя на ультразвук, то соседние страны принимали у себя переселенцев неохотно. Ситуация усугублялась еще и природной силой северных генов. Стоило оттийцу жеманиться на чужеземке, и уже через поколение никто не мог признать в совместном потомстве ничего материнского, кроме штанишек с национальным узором. Оттиец плюс иностранка всегда равнялось множеству маленьких симпатичных оттийцев — без вариантов.

Королевский дом держался до последнего. Но когда береговые улицы превратились в каналы, в фонтане на набережной вовсю плескалась морская вода и металы икру рыбы, а в окна нижнего этажа стали заглядывать гребни самых высоких волн, королева-мать сдалась.

Новая земля была не просто нужна — она была нужна позарез.

Рядовые граждане, погрузив на лошадей годами нажитый скарб, с проклятиями переселялись в центр острова, в горы. Половина государственного флота круглосуточно дрейфовала по нейтральным

водам в тщетной надежде наткнуться на необитаемый островок, двор полным составом осел в загородной резиденции. Король-отец лично провел с единственным сыном доверительную беседу, в ходе которой сообщил, что славную оттийскую традицию жениться либо по большой любви, либо по маленькой досадной случайности, метко именуемой в народе «залет», придется на время забыть. Брак с дочерью одного из соседских монархов, во-первых, гарантирует не нападение на Оттию этого самого монарха, во-вторых, дает немного денег и новых земель в качестве приданого. Кроме того, пора взрослеть и набираться жизненного опыта, чтобы оттийская корона легла не на легкомысленную голову лоботряса, а на чело сознательного человека, имеющего стойкие принципы.

Уже давно ожидающий чего-то подобного Алессандр ответил, что, во-первых, быть лоботрясом — это и есть его стойкий принцип, а во-вторых, как сознательный человек он категорически не согласен с матримониальной политикой правящего семейства и намерен жениться исключительно по собственному выбору.

Король саркастически улыбнулся и предложил сыну попытаться для разнообразия хотя бы месяц пожить, самостоятельно зарабатывая на жизнь. Заключительной нотой беседы стало вручение Алессандру дорожного предписания для поездки в монастырь, где он должен был в течение года набираться ума, терпения, выносливости и прочих качеств, необходимых будущему монарху.

Уйдя из зала с упрямо вздернутой головой, принц обнаружил под дверью семейного старичка-мага Муальда, застывшего в недвусмысленной позе.

— Опять поругались, — уверенно констатировал маг и засеменил следом за широко шагающим принцем.

— Подслушивал? — укорил Алессандр, не оборачиваясь.

Толстый ковер смягчил звук энергично впечатываемых в лестницу кожаных подметок. Прохладный соленый ветер взлохматил небрежно переброшенные на спину дреды.

— И не скрываю этого, — согласился Муальд, ступая вслед за наследником престола на балкон. — Как придворный маг я обязан быть в курсе самых важных событий королевства.

— Я думал, для этого существуют колдовские шары и специальные зеркала.

— Безусловно, магическая наука значительно продвинулась вперед, но... личное присутствие все же кажется мне более надежным. Вот ты, например, еще не знаешь, на какой день назначен твой отъезд в монастырь, а я знаю!

— Отъезда не будет, — решительно отрубил принц.

— То есть как? — искренне удивился Муальд. — Когда я подслу-

шивал их величеств за завтраком, твоя мать совершенно отчетливо произнесла...

— Не будет! — еще тверже повторил Алессандр. — Я просто сбегу из этого чертового дворца и начну наконец жить как свободный человек.

— Не смей! — перепугался маг. — Даже не думай, Алес! Пока тебя поймают, королева-мать из меня последнюю душу вытрясет! Чем плох монастырь? Выучишь молитвы, попрактикуешься в рукопашном бое, наберешься опыта...

— И ты туда же! — вскипел принц. — Сговорились, да? Ты еще вспомни о необходимости жениться для блага страны!

— А что такого? — изумился Муальд. — Практически все монархи женятся по расчету — и это правильно. Думаешь, если ты выберешь невесту самостоятельно, она окажется лучше той, что подберет для тебя родной отец? Алес, мальчик мой, ты еще слишком молод и горяч! Когда ты смотришь на хорошенькую незнакомую девушку, то сразу представляешь ее в своей постели — а это роковая ошибка для будущего монарха!

— А где я должен ее представлять? — хмыкнул принц. — В чужой постели?

— Ты должен увидеть ее *на троне!* Именно так и не иначе! Сумеет ли выглядеть скромной и одновременно величественной? Каким тоном будет говорить с подданными? Здорова ли, крепка ли разумом? Достаточно ли терпима? Мудра или эгоистична? Не склонна ли поддаваться чужому влиянию? Мой тебе совет: ищи такую же, как твоя матушка, ничего лучше ни для себя, ни для страны не придумаешь.

— Да уж, — мрачно процедил Алессандр, внутренне содрогаясь.

— Что же касается монастыря, — окрыленный успехом своей речи, продолжил Муальд, — то я приготовил тебе в дорогу небольшую иноземную диковину. Держи, повесишь на шею.

Маленькая раковина-жемчужница с запаянными серебром створками послушно скользнула в протянутую ладонь, оставив за собой влажный след.

— Там в отверстии пробковая затычка, — начал объяснять маг. — Если вдруг срочно понадобится передать из монастыря важную информацию, вынешь воск и поднесешь ракушку ко рту. Я услышу все, что ты скажешь. Только почему зря не болтай! Артефакт заряжен всего на несколько минут разговора!

Вечером в довершение всех неприятностей в комнату принца торжественно вплыло туманное белое пятно, имеющее дамские очертания. Как любой уважающий себя древний замок, родовое гнездо Ла-Эмов имело своего призрака, и это была покойная

пра-пра-прабабушка Алессандра королева Скрешиния. Встреча с ней считалась такой же верной приметой близкой свадьбы, как набухшая влагой черная туча перед дождем. Еще при жизни покойница отличалась склонностью к подглядыванию в чужие спальни, не оставив этого увлечения и после смерти. Разница с прежним материальным существованием состояла лишь в том, что призраку не было нужды просверливать в настенных портретах дырочки, и ее покойное величество Скрешиния всю пользовалась данным преимуществом, перепугав до икоты не одно поколение новобрачных.

— Алес, мальчик мой, почему ты до сих пор холост? Я устала ждать! Ты обязан вступить в брак как можно скорее и показать себя молодой жене настоящим Ла-Эмом! — рявкнула призрачная дама, сопровождая напутствие не слишком приличным жестом, и степенно удалилась через потолок.

Той же ночью Алессандр бежал.

Единственный холостой наследник дома Оттии ушел истинно по-королевски: в крошечной темноте, не прощаясь, взяв с собой только деньги и раковину, он величественно шагнул прямо с подоконника в рыбацкую лодку. Разместившись на жестком дне среди кильки и молча терпя щипки от крабов, возмущенных тем, что сначала их зачем-то выловили, а потом на них вдобавок сели, Алессандр читал при тусклом свете фонаря облепленную чешуей позавчерашнюю газету и все более мрачнел.

Новости были неутешительные. В Луалабатском султанате произошел очередной переворот и теперь разгоралась гражданская война. Ввиду огромного потока беженцев все благополучные страны континента ввели режим запрета на въезд подозрительных иностранцев. Кроме того, оказалось, что один из флагманов Оттии спровоцировал настоящий дипломатический скандал. Перепившиеся моряки не то напали на мирный круизный корабль флага Орасса и сгоряча обесчестили несколько пассажиров, не то по-дружески попросили займы пресной воды и, получив отказ, в сердцах постреляли экипаж — на месте описания подробностей бесчинств в газете оказалась дыра.

Алессандр вздохнул. Зная соотечественников, можно было предположить что угодно. Ясно одно — соваться в разгар конфликта в любой портовый город с зелеными глазами и витыми черными дредами на голове было все равно как написать краской на собственной груди: «Ударь меня, моряк, — я оттиец. Возможно, именно я просил займы воду и в качестве благодарности надругался над твоей теткой».

По счастью, на свете мало проблем, которые не решаются с помощью денег.

Старенький деревенский шаман, не имеющий лицензии, лично вытравил принцу волосы кислотой и сообщил, что отныне они станут расти тонкими и слабыми, но зато идеально прямыми. Он же осветлил кожу до умеренной бледности, убрав терракотово-медовый оттенок.

Приведенный шаманом хирург подрезал острые уши до благопристойной круглизы и закапал в глаза едкую настойку, от которой Алессандр стал значительно хуже видеть, но зато окончательно утратил остатки сходства с самим собой. Голубые глаза, мягкие русые волосы, розовые щеки — истинный капериец, да и только.

Или орассец.

Или халлиянин.

Или еще кто из порядочных рас, в любом случае уже не придерешься.

Времени Алессандру было отпущено год — именно такую гарантию на сохранность измененной внешности, посоветовавшись и поскандалив друг с другом, дали доктора. Всего лишь год на то, чтобы получить новые (и при этом законные) документы, найти приличное местечко для проживания и доказать всем, что он не лоботряс, а самостоятельный мужчина.

Рыбачья лодчонка, на этот раз заполненная не рыбой, а кальмарами, высадила Алессандра в мелком каперийском городке Крабсе. Денег почти не осталось, документов не было вовсе, и молодой человек решил проблему самым простым, как ему казалось, способом. Едва сойдя на берег, он добрал до порта, незаметно нырнул в воду и выплыл уже перед самым причалом, притворившись утопающим. Дескать, чудом спасся во время шторма — теперь при себе ни денег, ни бумаг.

Как оказалось, простой способ не учитывал местный менталитет. Единственными, кто обратил внимания на вяло бултыхающегося в холодной воде парня, были мальчишки. Они же и оказали ему посильную помощь, закидав обломками деревянного бочонка в качестве плавсредства и искренне сокрушаясь, когда попадали не рядом, а непосредственно по голове страдальца.

Алессандр впервые в жизни плавал так долго и так тяжело. Он нахлебался воды до соленой отрыжки, над поверхностью оставалась только дрожащая от холода рука с синими ногтями, когда его наконец заметили и вытащили на причал скучающие без работы грузчики. В итоге спасательной операции Алессандр потерял именную нож и дорогие сапоги, а приобрел стойкое отвращение к морю во всех видах, новое имя — Геллан и новую профессию: помощник трактирщика.

В трактире принцу не понравилось, очень уж скудный оказался

заработок. Каперийцы падали под стол на той стадии, которая у оттицев называлась «прополоскать горло перед тем, как начать пить»: две кружки, и готово.

Устав копить медяки, Геллан высказал хозяину все, что думает о его заведении, ассортименте напитков, постоянном контингенте, а также перспективах на будущее. Все бы ничего, но в азарте спора нахальный юноша до того разгорячился, что посмел сравнить хваленую «Каперскую горькую» с «Перцем Оттии», обозвав каперийскую гордость «тухлой копией». Хозяин в свою очередь поведал наемному работнику всю правду о нем, красочно описав храп по ночам, высокомерную улыбочку, привычку кривиться, когда клиенты заказывают слишком мало, а также сообщил, что, по его мнению, представляет собой «Перец Оттии» и куда его следует засунуть Геллану.

Постепенно к спору присоединились посетители, несогласные с тем, что их называют «чернь», и отпрыск королевского семейства подвергся реальной опасности быть размазанным по липкому трактирному полу. Прекрасные свежeproоперированные округлые уши Геллана чуть не оторвали.

По счастью, принц вовремя опомнился. Скользким угрем протиснувшись сквозь спровоцированную им же самим потасовку, он сгрэб и увязал в узел свое скромное имущество и покинул трактир, сожалея лишь об оставленном жалованье за текущую неделю. Зато документ был при себе — желтый пергамент, выписанный портовым отделением стражи Крабса, гласил, что «предъявитель сего, кличущий себя Гелланом, является особой, пострадавшей от утопления, вследствие чего не имеет другой бумаги, кроме представленной».

Крабс не единственный город на свете.

И Геллан бодро двинулся вдоль побережья, тормозя всех, с кем ему было по пути, и расплачиваясь за добрую услугу затейливыми байками. Возницы на рассказы про быт и нравы королей только недоверчиво хмыкали, но слушали во все уши — принц оказался прирожденным сказителем.

Именно так родился на свет новый способ путешествия на дальние расстояния без денег, в дальнейшем метко названный «телегостопом». Среди неимущей молодежи он набирал популярность столь стремительно, что когда сутки спустя Геллан поднял руку, голосуя на обочине старой дороги, из остановившейся телеги принцу радостно замахали.

— Привет, коллега! — сказал кудрявый черноволосый парень, зыряка глазами из-под съехавшей на брови круглой шапочки-подшлемника. Крутой изгиб полных губ подчеркивали тонкие завитые усы, прямо под ними притаилась крупная родинка. Подбородок

чисто выбрит, в ухе поблескивает серебряное колечко серьги. Синяя куртка была ему явно коротковата, и он то и дело поддвигивал уезжающие к локтям рукава. — Тебе куда?

Геллан неопределенно махнул, описав полукруг.

— Мы в Буркатскую долину, — меланхолично доложил возница.

Геллан, которому было уже все равно, куда ехать, лишь бы не идти, мотнул головой в знак согласия.

— Садись.

Черноволосый попутчик учтиво подвинулся.

— Спасибо, — сказал Геллан, запрыгивая в телегу и устраиваясь между двумя туго скрученными рулонами свежесделанных коровьих шкур. Нос моментально уловил соблазнительный запах — у самого бортика приютилась огромная голова домашнего сыра, распространяющая вокруг аппетитный аромат.

— Пожалуйста, — пожал плечами черноволосый и представил ся: — Терслей.

— Геллан, — ответил бывший принц, отворачиваясь от сыра и сглатывая голодную слюну. Сейчас даже окружающий пейзаж воспринимался им сквозь призму пустого желудка: трава зеленела, словно пучок молодого лучка на тарелке, камни обманчиво притворялись печеными картофелинами, а горки разрытого кротами чернозема подло смахивали на любимую королевским семейством островную икру.

— Слушай, — доверительно шепнул ему на ухо Терслей, — какие-нибудь дорожные байки знаешь? До того охочий до брехни возница попался — у меня уже язык опух, а ему все мало.

— Правдивые истории из жизни коронованных особ подойдут? — уныло предложил Геллан, глядя себе под ноги.

— То, что надо! — обрадовался попутчик. — Начинай!

Крабский порт

В порту всюю кипела подготовка к встрече высокородного гостя. Стайками летали широко раскрытые «глаза», вдоль береговой линии курсировали две боевые капсулы Организации, а высоко над ними неподвижно висело приплюснутое веретено наблюдательного отряда, ошетилившееся таким количеством антенн, пушек и защитных лучей, что даже облака предпочитали обходить его стороной.

Мы появились как раз в тот момент, когда с палубы пассажирского корабля спускался капитан. Точнее, его бережно несли на носилках двое матросов.

Третий, как штатный паникер нашей бригады, немедленно запоздрил худшее.

— Почему он не шевелится? Что стряслось?

— Ничего из ряда вон выходящего, — безмятежным тоном профессионального психоаналитика ответил куратор. — Не то холера, не то острое кишечное отравление, не то перелом. Очередная жертва невезения Фарада. В больнице разберутся, не беспокойся, Жак.

— А как там наш ценный клиент? — встревожился я. — Не заразился ли от капитана?

— Нет! — уверенно сказал куратор. — Целехонек! Да вот же он!

Это действительно был принц, и мы с напарниками сразу его узнали.

Бывают люди, в которых на первый взгляд нет ничего особенного, их много. Гораздо реже встречается другой тип — тот, кто сразу бросается в глаза и остается в центре внимания, где бы ни находился и что бы ни делал.

Принц Аброузии был характерным представителем клана оригиналов. Уже в том, как он величаво и неспешно ступил на трап, заключался вызов — ведь за его спиной теснились остальные пассажиры, многие из которых спешили. Но отодвинуть в сторону закутанного с ног до головы в белые одежды иностранца было поистине невозможно: двое молчаливых чертей, замаскированных под слуг, держали толпу на расстоянии.

Вышитая туфля с загнутым носком коснулась трапа и немедленно отдернулась.

— Пфуй! — расстроился принц, останавливаясь, снимая с ноги обувку и поднося ее к глазам. — Грязно!

Толпа, собравшаяся к этому времени сзади, застонала. Заплакал чей-то ребенок, зажатый среди тел и придавленный кладью. Сопровождающие Фарада черти мученически возвели глаза к небу и крепче стиснули зубы.

— Эй, на трапе! — заорали с палубы. — Что застыли — спускаемся, спускаемся! Поживей!

На лицах «слуг» появилось одинаково отчаянное выражение. Они переглянулись, дружно вздохнули и наконец приняли единственно верное решение: подхватили его высочество под локотки и понесли к берегу. Чисто автоматически я отметил, что у одного из чертей обломан рог, а лицо второго пылает лихорадочным воспаленным румянцем. М-да... Как говорится, есть о чем задуматься...

Ступив на твердую землю, наши несчастные коллеги заметно оживились. Тот, что с обломанным рогом, остался сторожить Фарада, а его краснощекий напарник шустро метнулся в сторону портового трактира и спустя минуту возвратился, ведя под руку упирающегося таможенника.

Выванный из мягких лап алкогольного дурмана, сотрудник та-

можни явно торопился обратно и потому приступил к выполнению служебных обязанностей с поразительной ретивостью.

— Куда следуете? — гаркнул он, в упор сверля принца глазами.

— Малая Велия! Нифер! — безмятежно сдувая и надувая щеки, сообщил пассажир.

— Велия? — изумился таможенник. — Какого же тогда рожна... гм... зачем сошли в Крабсе? Морем до Лагаса, далее по реке. Так намного проще и дешевле.

— Дешевле? — Иностранец будто покатал слово во рту и выплюнул, попробовав на вкус и сочтя несъедобным. — Мне. Нужно. Велия. Нифер. Карета. Пять.

Таможенник вздохнул.

— Багаж есть?

Судя по недоумевающему взгляду иностранца, он не понял вопроса.

— Ну багаж! Такие коробки, сумки, сундуки. — Таможенник нарисовал руками в воздухе прямоугольные фигуры. — Сколько? — Он поднял два пальца, потом три, четыре и, не дождавшись реакции на свою пантомиму, уронил руку.

Обычное человеческое заблуждение состоит в том, что при взаимном непонимании стороны начинают орать. Незнание языка исключением не является — многие искренне верят, что громко выкрикнутое в ухо собеседнику слово автоматически доходит до мозга уже переведенным. Даже без словаря.

Откашлявшись и приподнявшись на цыпочки (принц был высок), таможенник гаркнул:

— По-нашему говорите?

Отшатнувшись и потеряв ухо, иностранец кивнул.

— Как ваше имя?! Что у вас есть?! Предъявите документ!

— Я есть Фарад От-Абу-Шоох. Я имею жену Розу, имею жену Зарему, имею жену Парасю, имею Лолиту, имею гарем.

С восторженным ужасом поглядев на извращенца и на всякий случай отодвинувшись, таможенник уточнил:

— И где все эти родственники? Зарема, Парася и эта, как ее... Роза! Где этот гарем?

— В ка... ку...

Придя на помощь хозяину, слуга-черт выразительно указал назад. На берег как раз величественно сходили две типичные восточные матроны в черных одеяниях до пят; за ними, сотрясая скрипучий трап, двигалась широкоплечая красавица, разодетая в парчу и увешанная пучками золотых подвесок. Короткая, до плеч, паранджа откинулась, и на свет появились яблочно-румяные щеки, две толстые косы кренделем и любопытные глаза, щедро обведенные сурь-

мой. Красный рот расплылся в улыбке и сплюнул подсолнечную шелуху.

— Парася! — обрадовался иностранец, по-медвежьи ласково шлепая любимую пониже спины.

— Это гарем? — на всякий случай уточнил таможенник.

— Гарем там, — ткнула пальчиком через плечо Парася. — Сейчас спустятся, не беспокойтесь. Вместе с багажом и Лолитой. Вы че надо спрашиваете — я переведу.

— Куда следуете?

— В Малую Велию.

— Отчего сходите в Крабсе?

— Не можем плыть, Лолиту укачивает, — со смешком сообщила Парася. — Всю палубу заплевала, дура горбатая. Нас тут встретить должны, Фарадик договорился. Поедем каретами. Думаю, в четыре влезем. Или в пять, если евнухи в одной не уместятся. Разожрались — страсть! Зады больше моего — куда годится, а?

— С вами еще и евнухи? — опешил таможенник, с содроганием пытаясь представить себе мужской зад больше Парасиного.

— А как же! В гареме без них никуда. То подай, это поднеси. Опять же за Лолитой с ковров навоз подбирать, сами понимаете...

Откровенно говоря, таможенник понимал все меньше и меньше. Но когда на трапе показались возбужденная компания дам в черном, группа рыхлых мужчин с мешками и бережно ведома за рубиновый ошейник белая верблюдица с чисто человеческим отвращением на морде — в нем проснулся профессиональный долг.

— Перегруз! — радостно завопил он. — Перевозка домашней скотины не предусмотренных правилами размеров! Придется доплачивать!

— Ты насчет скотины того... поосторожней, — предупредила Парася, но иностранец уже лез за кошельком. Видно, слово «платить» и его производные были ему известны.

— Сколько? — деловито осведомился он, доставая из недр одежды диковинную штуку — кожаный футляр с навесным замочком и блестящими кнопками.

Ответ на этот вроде бы простой вопрос вызвал у таможенника некоторые затруднения. Глаза помутнели, словно смотрели не наружу, а внутрь черепной коробки, где шел сложный процесс подсчета.

— По половине паунда за каждое место багажа! — выдал пробный результат таможенник. — Устроит?

Судя по тому, что иностранец не отшатнулся в испуге, — вполне.

— И десять сентаво за каждый фунт верблюда, — облегченно закончил таможенник.

— Сентаво? — удивился иностранец.

ПРИЯТНЫЕ ЗНАКОМЫЕ В АДУ

О трилогии Людмилы Горбенко «Вооружен и очень удачлив»

Рассуждения о трилогии Людмилы Горбенко, чьи герои постоянно попадают в такие ситуации, из которых невозможно выбраться без щедрой доли юмора и иронии, хотелось бы начать с вольного рассуждения о юморе в современных фантастических романах как таковом. Некоторые авторы — увы, слишком многие — предпочитают рыться в отвалах полузабытых анекдотов или прилежно цитировать фильмы своей такой же полузабытой юности в надежде на читателя-зомби, который вдруг сотрясется от условного рефлекса, словно гальванизированная лягушка. Другие, и таких большинство, прибегают к современному молодежному фольклору и интернет-мемам, создавая нечто вроде «даешь, молодежь!» на фэнтезийный лад, где подобное всегда лечат подобным в пределах некой усредненной и отполированной тусовки. Очень редко можно встретить нечто совершенно аутентичное, к тому же отраженное с разных сторон, что позволяет увидеть облик творца, не скрытый за дешевыми декорациями. Лично я совершенно убежден, что настоящий юмор должен быть абстрактным — то есть он не должен относиться к конкретному месту или ситуации, но должен выражать чистый восторг перед чудом бытия и обращаться к тому, что несут все живые существа, где бы они ни находились.

После прочтения первых двух книг трилогии Л. Горбенко (которые, кстати, можно читать в любом порядке, хотя лучше сначала) я задумался о том жанре, который больше всего напоминают эти фрагментированные собрания новелл с тремя-четырьмя основными сюжетными линиями, то касающимися друг друга, то расходящимися в стороны, как будто автор не уверен, куда нужно повернуть. Потом меня осенило: это же плутовской роман! Да-да, тот самый мир «Декамерона» Боккаччо или «Симплициссимуса», повернутый на современный лад и сдобренный щедрой порцией того самого настоящего юмора, о котором я говорил выше. Это котел, где всего намешено вдоволь. Хотите студиозуса и любвеобильную дочку глупой

мамаши? Пожалуйста! Нужен муж-простофиля, хитроумная жена и коварная теща? Извольте! А как насчет скопища наследников баснословного состояния, жаждущих изничтожить друг друга? И конечно, то и дело за сценой мелькают рога и копыта бесенят и веселых чертей всевозможных мастей.

Необязательные красоты и сочность стиля — визитная карточка автора. Правда, справедливости ради стоит отметить, что смешение украинских и восточных реалий и выражений, особенно в первой книге, смотрится тяжеловато и отвлекает от сути событий. Ограниченность мира в пределах одного городка (не считая ангельских и демонских миров) не выдерживает дополнительного национального колорита в гипертрофированном виде. Впрочем, это окупается такими перлами, как «ножны, сшитые из кожи монгольских великомучеников» и воплем «Даю установку! Даю установку! Умри немедленно!».

Конечно же главные герои первой книги — это команда милых чертей-ликвидаторов с порядковыми числительными вместо имен, чьи характеры сразу же получают окончательную оценку, чтобы не отвлекать читателя от дальнейших событий. Их можно рассматривать как одну семью, где, как известно, «милые бранятся, только тешатся». Стиляга Пятый с тщательно скрываемыми консервативными взглядами (от лица которого ведется большая часть повествования), неугомонная красавица Вторая и обжористый миляга Третий с редкими приступами героизма — это некая данность, от которой отталкивается все остальное, включая зыбкую реальность преисподней, где грешников то ли жарят на вертелах, то ли пытаются «Телепузиками», служебные помещения на базе, быт которых напоминает обстановку в сериале «Звездные врата: Атлантида», и рыцарское соперничество за души с ангельским воинством, Впрочем не исключающее и низких приемов с той и другой стороны.

Во второй книге (хотя я не люблю непосредственных обращений к сюжету) границы мира значительно расширяются, и в нем появляются новые плутовские персонажи, о которых стоит говорить всерьез. Здесь есть уже не схематичные, а вполне реальные человеческие типажи: бывший помощник пивовара и священник-расстрига Нилс, скуповатый и осторожный, но в целом хороший, а также молодой авантюрист Квайл, путешествующий с другими искателями удачи по подземным штольням гномов, а потом попадающий в услужение к чародею. Здесь так же ясно очерчены цели и желания как главных, так и второстепенных персонажей, встречающихся друг с другом не абы как, а со смыслом, который проясняется лишь впоследствии. Присутствует также элемент здоровой сумасшедшинки в виде отверженного (адам!) демона Ифитореля,

который строит свои грандиозные планы на исход мероприятия и в итоге добивается своего, хотя и не так, как было задумано. При этом вспоминается культовый фильм *The Devil's Rejects*, хотя это совсем другая история. Ну и конечно опять много искрометных и оригинальных шуток разного достоинства, из которых особенно запомнились две: «Образно говоря, Квайл тянулся к прекрасному и высокому, а ему пока предлагало себя только коротенькое и страшненькое» и «Обожаю кошек. В этих животных столь гармонично сочетается низкая продажность и высокое чувство собственного достоинства, что впрямую поучиться некоторым монархам». Но настоящее удовольствие доставляет «экспресс-анализ ближайшего будущего», дающий представление об истинных возможностях автора в игре восприятия. Короче говоря, чем дальше, тем лучше. Кроме того, во второй части появляются две целомудренные любовные линии, которые благоразумно уходят в область туманного будущего.

И наконец, третья книга, где автор разворачивается во всей красе, являя силу своей фантазии и юмора. Для меня одним из критериев таланта служит количество скрытых возможностей текста, необязательные подробности и повороты, где каждый волен домысливать по своему усмотрению. Здесь их достаточно, не говоря о более совершенной стилистике.

Начнем с того, что это четко выстроенное авантюрное повествование, которое не распадается на отдельные фрагменты, как в традиции плутовского романа, а захватывает практически с первой страницы чтения. Наши черти сохраняют свои основополагающие черты, хотя в них появляется дополнительный героический оттенок, зато человеческие и нечеловеческие персонажи вместе с окружающим миром претерпевают чудесные изменения. Появляются новые страны, люди обрастают плотью и кровью, а повествование приобретает драйв лучших зарубежных триллеров, оставаясь при этом умеренно смешным и в то же время романтичным. В общем, если выбирать из множества фэнтезийных коктейлей, это один из наиболее удачных рецептов, не считая тех, кто предпочитает наиболее жесткие и суровые варианты. Тройка Геллан — Жекон — Терслей образует самостоятельную боевую единицу с живыми характерами и элементами тайны, особенно заметными, когда они пытаются сформировать единое целое в виде магического орла над водами подземной реки. Здесь же появляется идеальная романтическая линия с крестьянской девушкой-оборотнем и принцем из враждебной страны, которая на радость сентиментальным душам наконец достигает логического завершения. Некромант Киорус со своими приспешниками тщетно пытается воспроизвести полный комплект «универсальных солдат» давно почившего стихийного мага, каждый раз при-

бегая к все более радикальным средствам и приближая свою гибель (но какую! Это отдельная песня). И наконец, один из наиболее привлекательных персонажей, «ковыляка»-зомби Адам, который предается отстраненным размышлениям о тщете всего сущего и надоедливых смертных. Почему-то возникает чувство, что он списан с кого-то из реальной жизни.

Кстати о героических качествах чертей. Здесь имеется в виду не только пыл Третьего, готового уложить демоническую неуязвимую химеру из своего верного кирпичемета, что само по себе поучительно и весьма доставляет. Отрезанные от линий снабжения, они тем не менее не теряют оптимизма и открывают широкий фронт действий, граничащий с самопожертвованием (хотя, конечно, никто не хочет отбросить копыта). На последнем этапе своих приключений они проявляют чудеса изобретательности и открывают в себе доселе невиданные способности. Ближе к концу совокупность «необязательных» явлений переходит за критический уровень и начинается откровенный морок в духе кокаиновых (очень, очень вредно) фантазий Роджера Железны в каком-нибудь из «Принцев Амбера», где наши друзья преобразуются в червей внутри плода Познания у аналога Стикса и, наглотавшись яблочной мути, находят в сердцевине плода узел порталов с иными измерениями (и это после общения с милашками, у которых, пардон, юбочки из еловых стволов, а пирсинг тянет на три пуда!). При этом порталы находят с помощью геосканера (вот бы мне такую штуку лет... много назад). Ну а потом — блестящий финал с непринужденной пробежкой по мирам и уровням восприятия, где, по справедливому замечанию автора в самом конце, могла бы быть и ваша реклама.

Чтобы совсем уж не впадать в эйфорию, замечу, что на постсоветском пространстве произведения в жанре юмористического фэнтези пользуются огромным успехом (их пик на Западе давно прошел), но действительно стоящие произведения можно пересчитать по пальцам обеих рук. Несколько лучше обстоят дела с мрачной героикой и мистикой, хотя здесь уже года полтора не появлялось ничего нового. Лучше всего обстоят дела с апокалиптикой — кто бы сомневался! — и (с определенными оговорками) с боевой фантастикой, которая начинает приобретать интеллектуальные очертания. Эта трилогия, хотя уже и написанная некоторое время назад, заслуживает высокой оценки именно в том смысле, что (насколько я мог заметить) написание и рекламирование подобных романов не является целью автора. Это своеобразный экспромт, каждая следующая часть которого, по моему мнению, вышла лучше предыдущей, а такое бывает редко.

В заключение снова обращусь к историческим аналогиям. На

Востоке существует грандиозная традиция повествовательной прозы в жанре «рассказов о чудесном», которые первоначально не несли никакой дополнительной нагрузки, а просто деловито сообщали, что в таком-то году от созвездия Волопаса отсоединилась падающая звезда, упала в Пинъяне и на поверку оказалась куском протухшего мяса, в связи с чем государыня Ци Вэй родила змееныша и неведомую зверушку, но твари покусали людей и разбежались. Как это понимать? Да так, как есть. Спустя полторы тысячи лет появились сборники типа «Рассказов Ляо Чжэя о чудесах» с обязательной моралью от рассказчика, выступающего в роли древнегреческого Хора. А после нее — антитеза от комментатора или духовного наставника, которая низводит и мораль, и сам рассказ до бессмысленной «фигуры перед зеркалом», превращая все мероприятие в абстракцию, выражение того чистого юмора, который ничему не служит и ничего не стремится доказать. Вот это, хотя и в измененном виде, присутствует в произведениях автора, которому хочется пожелать всего хорошего. И завершить послесловие уже необязательной, но потому и такой актуальной цитатой из ее книги: «Человек на самом деле очень могущественное существо. Просто люди уверовали в собственную уязвимость и оттого боятся всего подряд. Или прикидываются?»

Кирилл САВЕЛЬЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

МАГ-НОВОБРАНЕЦ	7
ДЖИНН ИЗ ПОДЗЕМКИ	287
ХОЗЯИН ХИМЕР	651
<i>Кирилл Савельев. Приятные знакомые в аду. О трилогии</i>	
<i>Людмилы Горбенко «Вооружен и очень удачлив»</i>	<i>981</i>